

18+

Татьяна Копылова

ОНИ НЕ УМЕРЛИ

Татьяна Копылова

Они не умерли

«Издательские решения»

Копылова Т.

Они не умерли / Т. Копылова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984807-9

В случае конца света в живых останется тот, кто быстрее всех бежит. Или тот, кто быстрее других соображает. Или тот, кто лучше всего подготовлен. Так думали и мы, пока конец света не наступил в нашей стране... И что же делать тем, о ком забыло государство? Нас просто бросили одних в самой глубинке России, и нам ничего не оставалось, как научиться бегать, прятаться, защищаться, договариваться и добывать еду себе и пока еще здоровым, живым детям. А еще надеяться... что однажды все закончится...

ISBN 978-5-44-984807-9

© Копылова Т.
© Издательские решения

Они не умерли

Татьяна Копылова

Редактор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Тая Королькова

Корректор Мария Устюжанина

© Татьяна Копылова, 2020

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4807-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой муж из тех людей, кто любит осуждать правительство. Все кругом воруют. Сплошной обман. Все куплено. Мало дают. Я плачу налоги, а они ничего не делают. Цены растут, а зарплаты не растут... И все в таком духе. Вся система работы нашего государства его не устраивала. Я ему говорила, что все бабульки нашего двора станут его фанатками, если он сядет рядом с ними и поделится своими мыслями о том, как тяжело жить в нашей стране.

Я считала, что всю политическую, финансовую и экономическую систему нашей страны уже ничто не изменит и не сломает. Что нам всем ничего не остается делать, как подстраиваться под нее и просто жить. А все, кто пытался бороться с ней, мало чего добивались либо просто погибали.

Недавно я посмотрела русский фильм «Дурак». Там отлично про это рассказывают. Но не только про правительство, про мышление русского простого народа тоже. И непонятно, где гнили было больше. Кто был прав, кто виноват – теперь бог им судья.

Система все-таки рухнула.

Каждый год мы ждали конца света, который наступит от глобального потепления, от террористов, от искусственных интеллектов и от чего-то еще. Специалисты высчитывали, когда и где начнется третья мировая война. Некоторые шутили: «Если начнется третья мировая, в которой мы будем биться атомными бомбами, то в четвертую мировую мы уже будем биться палками». Но никто не подозревал, что мир может рухнуть именно так...

Скажете, очередная история про очередной конец света? Да. Разница лишь в том, что это было на самом деле, просто вы этого не помните...

Это случилось в конце октября 2020 года. Бабье лето в Москве решило задержаться надолго, и дни стояли сухие и теплые.

Я сидела на лавочке и наблюдала, как мои младшие бегали по детской площадке. Периодически общалась в чатах с коллегами и заказчиками. Я работала в интернете, и мне это нравилось. Не надо было по утрам бежать на работу, трястись в метро или стоять в пробках, брать больничные, когда кто-то из детей заболел, или отпрашиваться на часик, чтобы сделать какие-то важные для меня дела. Я сама управляла своим временем. В итоге организовала рекламное интернет-агентство. Мои сотрудники были разбросаны по всей России и не только, так же работали из дома через интернет. За два года мы хорошо раскрутились и уже третий год работали стабильно. Я стала обеспеченным человеком. И мне нравилась моя жизнь. Меня не беспокоило ни государство, ни политика. Я просто жила.

Муж, Роман, работал в типографии печатником. Отношения у нас были натянутые, но без криков и скандалов, страсти давно поутихли. Пережив период взрывов и эмоций лет

пять назад, мы просто существовали в одной квартире. Все шло к разводу. Я копила деньги на свой дом. Мечтала о доме в Новой Москве. Двухэтажный, с большой террасой и гаражом, с четырьмя спальнями и большой гостиной-столовой.

Разводы в наше время были нормой. У меня не было ни одного знакомого, у кого не осталось за плечами хоть одного развода и детей от первого брака. И я не исключение. У меня тоже был сын от первого брака. И я готова была закончить и этот брак. А пока что просто ждала, когда смогу это сделать и переехать в собственный дом. Откладывала деньги, и, по моим подсчетам, переезда оставалось ждать года два. Может, три.

Старшему сыну Роме в этот год исполнилось семнадцать лет. Он учился в школе в выпускном классе. А после занятий подрабатывал курьером в интернет-магазине. Ему очень хотелось иметь свои деньги, чтобы водить свою девушку Нику в кафе и кино. Ему не нравилось просить деньги у меня или своего отца. Я гордилась им. Как и сейчас.

Второй сын, Лёша, пошел в первый класс. Ему там не очень нравилось. Говорил, что в детском саду интереснее было. И те короткие домашние задания, которые сначала задавали редко, мы с боем пытались делать по вечерам. Он с криком разбрасывал тетради и садился за компьютер играть в игры или смотреть мультики. Я была уверена, что его упрямство ему в жизни будет помогать добиваться своего, но одновременно и мешать.

Младший Тимоша был моей отрадой. Ему исполнилось пять лет, он с удовольствием ходил в детский сад, любил перелистывать книги со сказками, а вечерами играл в машинки, которых у него было бесконечное множество. Он с двух лет помогал мне во всех домашних делах, везде старался навести порядок. Но никак не хотел от меня отрываться. Все время ходил за мной и пытался участвовать во всем, что я делала, лишь бы быть каждую минуту рядом с мамой. Готовлю – он подает картошку для чистки, включает плиту под моим присмотром. Убираюсь – он рядом метет веником или размазывает лужицы по столу.

Я всегда говорила, что Лёша – моя энергия, а Тимоша – мой свет. Они были настолько разными по внешности и по характеру, что мамы на детской площадке были уверены, что у них разные отцы.

Себя я считала никудышной матерью. Абсолютно не знала, как правильно воспитывать детей. Редко могла найти к ним подход, и редко обходилось без истерик. Стоило младшим затеять драку, хотелось убежать и спрятаться. Не знала, как Ромика и Лёшу уговорить сделать уроки. Не знала, как уговорить Тимошу побыть с папой, пока я сбегаю по делам. Ничего не знала. Но когда мир рухнул, я сделала все, чтобы спасти сыновей. Ведь я защитница своих детей.

Накануне того дня мне приснился странный сон.

Я летела в самолете с мужем и детьми. Куда и зачем, не знаю. Но почему-то я спорила с мужем, куда именно нам надо лететь.

– В Грецию! – громко говорил он.

– Почему туда? – спрашивала я. – У детей нет загранпаспортов. Лучше на наше Черное море. Например, в Крым.

– Были мы уже там, – отвечал муж. – А в Греции нет.

– Нас туда не пустят без паспортов, – упрямо отвечала я.

– Летите на Север, – раздался женский голос позади нас. Я обернулась и увидела свою бабушку, которая умерла за несколько месяцев до рождения старшего сына. Но во сне я восприняла ее присутствие как норму. Как будто она жива. И спросила ее:

– На Север? Там же холодно!

– На Север, – раздался мужской голос с переднего сиденья. Это был мой друг, который погиб несколько лет назад. Но и об этом я не вспомнила во сне. Затем он добавил: – Поздно.

– Что поздно? – удивилась я.

Вдруг самолет начал разваливаться прямо в небе. Кусок за куском отваливались от него и разлетались в разные стороны. Дети закричали. Муж закрыл лицо руками. А другие люди сидели спокойно и смотрели вперед. Никто не паниковал, не кричал, не прощался с жизнью. Меня же охватила паника. Я крепко обняла детей и повторяла:

– Я люблю вас! Я люблю вас! Мы все равно будем вместе!

И проснулась. И такое чувство тревоги меня охватило! Вскочив с кровати, взглянула на часы. Четыре утра. Да уж, после такого сна я вряд ли смогу еще заснуть.

Встала, налила стакан воды и вспомнила, что все пассажиры в этом самолете были мне когда-то знакомы. Страшно было то, что они все умерли в разные годы по тем или иным причинам. Живыми в этом самолете была только моя семья.

Умершие мне давно не снились. А тут одновременно все! Что это? Какой-то знак? Предупреждение? И почему они говорили про Север? Эти мысли не отпускали меня, пока в семь утра не зазвонил будильник. А потом постепенно домашние дела и забота о детях отвлекли меня, и вся тревога ушла. Сон начал забываться.

В тот день Тимоша в садик не пошел. Он болел целую неделю, мы с утра сходили к педиатру за справкой и сообщили в детский сад, что придем в понедельник. К обеду забрали Лёшу из школы и сразу пошли на детскую площадку. Старший сын был в школе. Их активно готовили к выпускным экзаменам.

Зазвонил телефон. Звонила моя помощница Ольга.

– Таня, я же говорила, что с Олегом Сергеевичем будет сложно работать. Он нам не дает продохнуть. Просит отчет каждые два часа. А когда нам работать? Мы все время ему отчеты пишем. И он всегда недоволен...

– Оля, спокойно. Давай я с ним поговорю. Нам с самого начала надо было с ним согласовать правила предоставления отчетов. Надо было настаивать на своем. Не поддаваться. Сейчас самый сезон. Заказов много. Не хочет соглашаться на наши условия и не надо. Будем работать с другими. Что там с сетью детских центров? Вы написали стратегию продвижения?

– Да, – ответила Ольга. – В понедельник с утра перепроверю и отправлю. Хорошо, что сегодня пятница. Мне срочно нужны выходные, а то эти клиенты меня сводят с ума!..

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Я замерла. За спиной звучал дикий крик. Отодвинув трубку от уха, посмотрела через дорогу, откуда кричали. Там стояла пожилая женщина. Напротив нее – мужчина. Лица его я не видела, но выглядел он очень прилично: пиджак, лаковые ботинки, аккуратная стрижка. Он медленно обошел женщину и пошел в сторону автобусной остановки.

– Извращенец! – кричала женщина. – Что удумал?! Ты что, больной? Иди целуй свою жену!

На остановке стоял парень лет двадцати в наушниках. Он не слышал, как к нему сзади подошел мужчина в пиджаке, и совсем не ожидал, что этот мужчина вдруг повернет его голову и поцелует в губы. Крепко, как целуют девушку. Парень вздрогнул, автоматически подняв кулак и готовый броситься в драку с мужчиной. Но резко отпрянул от него, а потом одним рывком ударил того в лицо, повалив на землю. Снова отбежал от него подальше и внимательно посмотрел мужчине в лицо. Я не слышала его слов из-за шума проезжающих машин и детского смеха на площадке, но я видела, что парень сильно удивлен, поражен, в шоке и в ужасе одновременно.

Женщина продолжала кричать и требовала вызвать полицию.

– Таня! Ты слышишь меня?.. Не пойму, связь отрубилась? Вроде у тебя там звуки улицы. Ты где? – я услышала голос Ольги в трубке.

– Оля, извини, я отвлеклась. Какой-то псих ходит всех целует. И женщин, и мужчин. Не знаю, что с ним. Давай я детей сейчас домой отведу, а ты мне эсэмэс скинь с номером Олега Сергеевича, я ему позвоню...

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Снова крик, но с другой стороны улицы. Ближе к нам. Из «Пятёрочки» выбежала девушка-кассир. Она яростно вытирала свои губы.

– Она больная! Дура старая! – кричала девушка. – Она что, заразна?

Вокруг нее собрались другие продавщицы и администратор зала.

– Вы видели ее глаза? – закричал то ли грузчик, то ли работник зала. На нем была униформа «Пятёрочки». – Они полностью красные! Не пойму, что за ерунда? Ребята, держите ее, пока скорая не приедет, – крикнул он внутрь магазина.

Я посмотрела на остановку на той стороне дороги. Мужчина в пиджаке продолжал лежать на асфальте. Видимо, без сознания. Вокруг собралось несколько зевак, но близко не подходили.

Бред какой-то, подумала я. Надо домой уходить.

– Ребята! Лёша, Тима, нам пора идти.

– Не-е-е-е-ет, я не пойду!

Как всегда, Лёша упрямылся. Тима меня не услышал. Он играл в песочнице на другом конце площадки и увлеченно общался с девочкой лет трех. Я заметила волнение среди других мамочек. В это время на улице гуляли в основном маленькие детки, те, кому пока не досталось место в детском саду.

– Мама, а почему тетя ругается? – девочка из песочницы подошла к своей маме и дернула ее за руку. Тимоша продолжал копать песок ковшом своего нового трактора. – Мама, ты заснула?

Девочка безуспешно пыталась привлечь внимание своей мамы. Та стояла, не двигаясь, и смотрела в никуда. Ее взгляд застыл. Я подошла ближе. Тревожное предчувствие охватило меня.

– Тимоша, сынок, подойди ко мне, пожалуйста, – с улыбкой сказала я, пытаясь сдержать дрожь в голосе. Что-то странное происходило на улице, но пока не ясно, что именно. Мама девочки продолжала стоять, не двигаясь и не реагируя на дочь. – Малыш, помоги мне, пожалуйста.

Тимоша любил мне помогать во всем, и я знала, что это привлечет его внимание и мне не придется его долго уговаривать.

– Что, мама?

Он с готовностью подбежал, прихватив свой трактор.

В эту секунду замерла я. Я четко увидела, как белки глаз мамы трехлетней девочки начали заливаться кровью. Другие родители в спешке покидали детскую площадку и не заметили этого.

– Малыш, помоги отнести Лёшин портфель домой, а то он тяжелый, я одна не донесу.

– Хорошо, мама. Пошли, – он взял меня за руку.

– Леша, нам срочно надо бежать! – крикнула я.

Я схватила Лёшу за руку, пытаюсь понять, как мне еще взять его портфель, не отпуская руки двоих детей. Лёша начал вырываться.

– Ма-ма-а-а-а-а!!! Отпусти!

Это кричала девочка. Женщина держала ее в крепких объятиях и целовала. Девочке это не нравилось, и она отбивалась.

– Бежим! – крикнула я. Дети не стали сопротивляться. Лёша сам схватил свой портфель и побежал в сторону дома.

– Мама! А что эта тетя сделала? Зачем она обидела девочку? Она что, злая?

В глазах у Лёши я заметила испуг. Тимоша начал плакать, но продолжал бежать, держа меня за руку и не бросая свой трактор. Подбежав к подъезду дома, я дрожащими руками набрала код на домофоне. Дверь открылась, и мы снова услышали крик, но уже далеко от нас. А затем сирену. То ли скорая, то ли полиция мчалась по дорогам Москвы.

Оказавшись дома, я старалась вести себя спокойно, чтобы не пугать детей. Налила воду в чайник, включила мультики. Дети сели на диван и вели себя тихо. Они смотрели то в телевизор, то на меня.

Я вышла на балкон, прикурила и посмотрела на улицу. С балкона нашей квартиры на девятом этаже не было видно детской площадки и остановки. Я не знала, что там происходит. Но видела, как притормаживают машины, подъезжая к тому месту.

Сирена вдалеке. Снова крик. Опять сирена.

Я вернулась на кухню. Дети вытаскивали из холодильника молоко.

– Мама, налей молока, – попросил Тимоша.

Я достала кружки и снова взглянула в окно. Окно на кухне выходило во двор, где был детский сад. На верандах детей не было. Наступил тихий час, и дети в садике спали.

Что же происходит? Вирус? День мертвецов? Я, конечно, была фанаткой сериала «Ходячие мертвецы», но эти люди с красными глазами не были похожи на них. Да ну! Чушь какая-то. Наверное, вирус. А если мы заразимся? Если у меня покраснеют глаза, и я начну обцеловывать своих детей? А потом они заразятся?

Я подумала о девочке на детской площадке. Почему я не помогла ей? Неужели я бы не справилась с одной женщиной? Надо было вызвать скорую. Хотя они и так ехали туда. Но ведь я могла убрать девочку от ее опасной матери.

Пока я искала себе оправдание, убеждая, что в первую очередь убрать от опасных людей подальше надо было своих детей, зазвонил телефон.

– Таня, ты позвонила Олегу Сергеевичу? Он снова требует отчет. Я сказала ему, что ты должна с ним связаться, обсудить дальнейшее сотрудничество...

– Оля, ты живешь в Электростали? – перебила я ее. – У тебя на улице тихо? Ничего странного не происходит?

Немного помешкав, Оля сказала:

– В смысле? А что там должно происходить?

– Посмотри в окно. Все спокойно?

– Да, – ответила Оля. – Все та же скука, как и вчера, и позавчера, и неделю назад...

– Оля, извини, я чуть позже перезвоню.

Я включила ноутбук, открыла последние новости. Что-то ведь должно быть написано обо всех этих странностях. Но нет, ничего нет.

Я подбежала к телевизору, стала переключать каналы в поисках новостей, но и там ничего об этом не говорили.

– Мама, зачем ты мультики убрала?

Я переключила на канал с мультиками, взяла телефон и набрала номер знакомой, которая жила в нашем районе, недалеко от детской площадки.

– Да? – ответила Наташа. – Привет, Таня... Ты дома? У нас что-то на улице происходит. Не пойму. Какие-то психи.

– Наташа, ты тоже видишь это? Я видела, как у одной девушки глаза стали красными, и она начала крепко целовать свою дочь. А сама как зомби была... Еще мужчина поцеловал женщину и парня. Еще...

– Таня! Мне страшно. Алиска болеет, я ее в школу сегодня не повела. У нее температура. Мне надо за лекарством сходить, а выходить страшно.

– Не выходи. Пережди. Там полиция и скорая кругом. Может, скоро все закончится.

– Хорошо, я Владу позвоню. Он купит лекарство, когда с работы домой пойдет.

Наташа повесила трубку, а я думала, кому еще позвонить. Это происходит только в нашем районе? Почему в новостях ничего нет? Это только сейчас началось, и СМИ еще не успели среагировать? Я открыла форум по нашему району Отрадное, где местные жители задают друг другу вопросы обо всем, что происходит в районе.

Вот! В двух последних сообщениях, написанных за последние пятнадцать минут: «Кто-нибудь знает, что происходит на улице? Почему такая паника? Опять теракт?» и «Народ, я на улице видел мужика с красными глазами! Как вампир! Или больной. Мне друг сказал, что в Бибирево то же самое. Если это эпидемия, то город могут закрыть, а я завтра в отпуск собирался».

Москву закроют... А может, правда? Если это вирус, то, как обычно в фильмах показывают, въезд и выезд из города могут закрыть. На улицу сейчас лучше не выходить. Продуктов хватит на неделю максимум. А муж сможет доехать до дома?

Мои мысли крутились с бешеной скоростью. Если бы я знала, что нас ждет, я бы не мешкала ни секунды.

Муж не брал трубку. Их печатные машины работали громко, и обычно он не слышал звонка. Или не желал со мной общаться. Перезванивал во время перерыва. Сейчас только два часа. Значит, работать ему еще четыре часа. Надо его предупредить о психах и вирусе на улице.

Я приказала себе собраться с мыслями, налила горячий кофе, но не успела сделать ни одного глотка, потому что за окном раздался резкий звук удара автомобилей. На дороге под окном произошла авария. Лобовое столкновение. Из черного внедорожника вышла блондинка на высоких каблуках и медленно двинулась по тротуару, отдаляясь от своей машины. Ее поведение было странным. Она то останавливалась, то снова медленно шла. И все время смотрела в разные стороны, как будто искала что-то или кого-то. На второй машине было написано «ЯндексТакси». Водитель не шевелился. К нему никто не подбежал помочь.

Я набрала 112, службу спасения. Но там включился автоответчик. Меня всегда удивляло это – ты пытаешься немедленно сообщить о происшествии, позвать на помощь спецслужбы, но сначала приходится слушать автоответчик. Это выглядело как насмешка. Затем прозвучали три коротких сигнала, и связь оборвалась. Шутите, что ли?

Сверху у соседей, на десятом этаже, я услышала грохот, как будто на пол упал целый шкаф. Затем крик. Снова крик. Боже! Что происходит?

– Мама, там тоже плохие дяди и тети? – спросил Тимоша, показывая наверх. – Мама, давай убежим.

– Малыш, а может, мы покрепче дверь закроем? – улыбнулась я.

– Нет, мама! Они сломают дверь! – закричал Лёша. – Поехали к папе!

Они правы. Надо срочно уезжать. Вдруг и правда Москву закроют. Если уже не закрыли. Боже! Что я за мать? У Ромы уроки закончились полчаса назад, а домой он еще не пришел. А вдруг... Нет, надо держать себя в руках.

Я набрала номер старшего сына, но абонент был недоступен. Тогда я написала эсмэс: «Срочно позвони!». Сообщение не доставлено. Конечно, ведь абонент недоступен. Что же делать?

– Мама, поехали к папе! – снова закричал Лёша.

Больше я не мешкала и начала собирать вещи. Я как будто знала, что надо уезжать прямо сейчас и что домой мы вернемся не скоро, и старалась положить в чемодан вещи не только первой необходимости, но и с запасом. Даже пачки макарон и риса бросила вместе с одеждой. Одного я не знала – что мы сюда не вернемся никогда.

Я закрыла детей в квартире, стараясь не обращать внимания на их испуганные крики, и выбежала из подъезда к машине. Хорошо, что припаркована она была в трех метрах! Закинула сумки в багажник и вернулась за следующими. Я хватала свои вещи, вещи мужа и троих

сыновей. Еду, мой ноутбук для работы, лекарства. Опыт многолетней мамы мне подсказывал, что может пригодиться все – от пузырька «Нурофена» до зимних курток. Но, конечно, все уместить в багажник моего «ниссана» было невозможно. Он забился очень быстро.

– Дети, обувайтесь и берите по одной любимой игрушке!

Тимоша схватил свой трактор. Игрушку муж купил только вчера, и малыш не успел от нее устать. Лёша попытался прихватить сразу несколько игрушек, но они не умещались у него в руках, то и дело падая на пол.

– Лёшенька, возьми одну. Мы все не сможем увезти.

– Нет! Я все хочу! И робота, и мяч, и самокат... А портфель тоже брать?

Я обрадовалась. Вытряхнула из портфеля тетради и положила в него все игрушки, которые Лёша хотел взять. Кроме самоката, он точно был лишним. Надела портфель себе на плечи, помогла сыновьям обуться, всучила Лёше в руки мяч, и мы вышли из квартиры. В подъезде на первом этаже Тимоша сильно сжал мою руку.

– А там нет страшной тети?

Когда я таскала вещи в машину, я не думала об этом. Выбегала из дома и быстро забегала обратно. А сейчас мне тоже стало страшно. Я аккуратно приоткрыла дверь. Возле подъезда никого не было.

– Бежим! – крикнула я и резко открыла дверь.

Лёша побежал впереди меня, а Тимоша – обратно к лифту. Господи, за кем бежать?.. Через мгновение поняла – за Лёшей. Я посадила его в машину, заблокировала двери и вернулась в подъезд. Тимоша стоял у лифта и громко плакал.

– Малыш, я здесь. Иди ко мне.

– Не-е-е-е-ет. Там плохие люди-и-и-и-и, – рыдал он.

– Зайчик, давай я тебя на ручках отнесу. Лёша нас ждет в машине. Ты же не хочешь, чтобы его забрали плохие люди?

Тимоша зарыдал громче. Ну вот, напугала его еще больше.

– Тимоша, плохих людей забрала полиция. Там никого нет. Поехали скорее к папе.

Вдруг в одной из квартир на первом этаже резко открылась дверь. Мальчик лет десяти пробежал мимо нас на улицу. Лицо его было испуганным. А следом за ним не спеша вышла молодая женщина. С красными глазами.

Больше Тимошу я не уговаривала, взяла его на руки и буквально выскочила из подъезда. Лёша тоже плакал.

– Мама, я думал, что вы не вернетесь!

– Лёшенька, прости! Я больше не оставлю тебя одного.

Я завела машину и медленно тронулась с места, пытаясь сообразить, в какую сторону нам ехать.

– Помогите! Прошу вас! Помогите!!!

В мое окно стучала девушка, на руках она держала кричащего младенца. Я ее узнала. Она жила в соседнем подъезде. Ее малышке было месяца три. Я помню, как к подъезду подкатил розовый лимузин, увешанный белыми шариками. Из него выскочил счастливый отец с новорожденным на руках. Помог выйти этой девушке, которая с трудом передвигалась. Видимо, ей сделали кесарево, и каждый шаг давался тяжело.

– Они близко! Впустите меня, прошу!!!

Метрах в двадцати от нас шли две школьницы лет тринадцати. Аккуратная форма, школьные рюкзаки за спинами, в руках мешки со сменкой. Но глаза у них были красные, как у мамочки с детской площадки и соседки с первого этажа.

Я разблокировала двери. Крикнула:

– На заднее сиденье! Быстро!

Девушка запрыгнула в машину, и я резко тронулась с места. Ребенок кричал не переставая. Девушка тщетно его трясла на руках.

Мои ребята затихли, прижавшись друг к другу. Лёша тихо сказал:

– Тимоша, не бойся, это хорошая тетя. Она просто боится, как и ты.

Молодец сынок! Взрослеет и успокаивает младшего братика.

– Почему вы не побежали домой? Вы ведь живете в пятом подъезде, да? – спросила я у девушки.

– Моя мама заболела... Она поцеловала папу... А муж на работе... Я убежала...

Младенец продолжал кричать.

– Что происходит? Мне надо к мужу. Вы ведь меня отвезете?

Я замешкалась. Мне тоже надо найти старшего сына и поехать к мужу.

– Где ваш муж работает?

– На Алексеевской.

– Нельзя. Это в сторону центра. Мы там просто застрянем. Нам надо выбираться из Москвы.

Девушка зарыдала:

– Тогда высадите меня у метро. Я сама доеду.

– Ты с ума сошла?! – уже закричала я, не церемонясь и перейдя на «ты». – А если там то же самое? Если там люди с красными глазами целуют друг друга? Ты и минуты не продержишься!

Девушка вскрикнула. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться.

– Как тебя зовут?

– Лиля...

– Лиля, ты кормишь дочку грудью? Дай ей грудь. Успокой ее. Ты нервничаешь, и она тоже нервничает.

Мы подъехали к школе.

– Я найду своего старшего сына, потом мы позвоним твоему мужу, – сказала я Лиле.

Ее дочка жадно чмокала молоко и сразу начала засыпать. Лиля со слезами на глазах кивнула.

В эту секунду мне на телефон пришло сообщение: *«Мам, я в Марьино. Мы с Никой поехали в гости к моим друзьям. Я прогулял последний урок, не ругай»*.

Впервые в жизни я обрадовалась, что сын прогулял урок, и ответила тоже эсэмэс, так как на звонок он мог не ответить: *«Зайдите прямо сейчас домой к деду. Это важно. И срочно! Прямо сейчас! И напиши мне, как будешь там»*. Потом добавила во второй эсэмэске: *«Вопрос жизни и смерти в прямом смысле!»*

В районе Марьино жили мои родители, две родные сестры со своими сыновьями. Муж был только у младшей сестры. Старшая не замужем.

Стук по капоту. Прямо перед нами стоял школьник, маленький мальчик из второго или третьего класса. Его красные глаза смотрели прямо на меня.

– Задави его! А то он нас заразит! – закричала Лиля. Ее дочка снова заплакала.

– Тихо! – рявкнула я. – Прекрати панику! Ты всех детей пугаешь.

Мои ребята еще сильнее прижались друг к другу.

Я не могу задавить ребенка. Он просто болен. Мы в запертой машине. Он нам не угрожает.

Я дала задний ход, а мальчик пошел за нами. Его взгляд не выражал никаких эмоций. Вдруг сзади удар по багажнику. Там стоял мужчина в полицейской форме. Я резко остановилась. Он тоже был заражен. Что же делать? Кого-то придется давить? Они больны, но я не хочу, чтобы мои дети всю жизнь вспоминали, как мама убила ребенка или полицейского. Надо что-то придумать.

Я посигналила. Они не сдвинулись с места. А из школы начали выходить дети. Много детей. Сорок или пятьдесят. Они направлялись в нашу сторону. У всех были красные глаза.

– Мама, они нас заразят? – заплакал Лёша.

– Нет, Лёшенька. Все будет хорошо. – Я секунду подумала и резко нажала на педаль газа...

Когда я сдавала задом, мы успели отъехать от школьника на несколько метров. Это дало мне преимущество. Резко вырулив машину вправо, я объехала мальчика, задев крылом припаркованную машину. Плевать! Главное, мне не пришлось давить ни ребенка, ни полицейского.

Они ведь не умерли! Просто заболели. Я надеялась, что им скоро помогут. Заберут в больницу, вылечат. Или хотя бы изолируют от здоровых людей.

Мы помчались в сторону МКАДа. Если это творится во всей Москве, то выехать из нее будет трудно. Если вообще возможно. Нам повезло, что мы жили на окраине и до кольцевой дороги было недалеко.

Лиля пыталась дозвониться мужу, но мобильная сеть была перегружена. Она снова и снова набирала его номер, но звонок не проходил. Мы выскочили на Алтуфьевское шоссе. Пробки не было. Машин мало. Людей, разгуливающих с красными глазами, не видно. Водители ехали в обычном темпе. Это было странно. У дома их много, а здесь тишина.

Я очень нервничала и старалась не попасть в аварию. Мне хотелось давить на газ даже на красный свет. На последнем светофоре впереди меня «девятка» не тронулась с места, когда загорелся зеленый. Я посигналила. Он остался стоять. Тогда я объехала его, взглянула на водителя и по его стеклянному взгляду поняла, что он сейчас «превращается». Надо торопиться, сейчас и тут начнется.

Не проехав и ста метров, я увидела машину с открытой дверью, брошенную прямо на дороге. Как будто водитель просто нажал на тормоз и вышел, не заботясь о том, что это третий ряд Алтуфьевского шоссе.

Я видела лица других водителей. Они были удивлены и возмущены, ругали глупцов, которые не тронулись с места на светофоре или бросили машину на трассе. Они не знали, что происходит в спальных районах. Никто не знал масштаба надвигающейся катастрофы.

А это и правда была катастрофа. Об этом мы узнали позже.

Добравшись до кольцевой, я быстро сообразила, что нам на нее нельзя. Если мы встанем в пробку между съездами и там начнется эпидемия, то не сможем выбраться. Только если бегом. А с тремя маленькими детьми и с девушкой, которая на грани нервного срыва, наше бегство будет обречено на провал.

Выехав из Москвы, я двинулась прямо. Подальше от города.

Я пробовала дозвониться мужу, родителям, сыну, сестрам. Но сеть была перегружена. Даже гудков не было.

Вдруг пришло сообщение: *«Мама, мы у деда. Не могу до тебя дозвониться. Что случилось?»*

Значит, эсэмэс пробиваются! Надо остановить машину и всем написать, раз дозвониться не получалось.

– Ай! – вскрикнула Лиля. – Она меня кусает больно.

– У нее нет зубов, не прогрызет. – Я в глубине души жалела, что ее не высадила у метро. Она постоянно пугала меня и моих детей. Рыдала и кричала. Я думала, что мне надо будет успокаивать детей, а оказалось, что взрослою тетю.

– А-а-а-а-а-а! Что с ее глазами???

Тут я психанула и свернула на обочину. От Москвы мы отъехали уже километров на десять.

Я вышла из машины и открыла заднюю дверь.

– Покажи! – строго сказала я.

Лиля развернула девочку ко мне лицом. Малышка не спала и не плакала. Она смотрела прямо на меня, и ее глаза были красными.

– Выходи! – крикнула я.

Лиля подчинилась. Ее руки и губы дрожали. Как и мои.

– Ее тоже целовали твои родители?

Лиля мотнула головой – нет. Тогда почему девочка заразилась? Значит, вирус передается по воздуху? И мы тоже все обречены?

Вдруг Лиля перестала рыдать, выпрямилась и посмотрела мимо меня. Ее взгляд стал стеклянным, как у той мамочки с детской площадки. Я не стала мешкать. Вернулась в машину и рванула с места. В зеркало я видела, как Лиля, продолжая держать дочку на руках, медленно двинулась за нами. Она была заражена. Но я быстро набрала скорость и потеряла ее из виду.

Открыв все окна, я надеялась, что вирус выветрится из машины. Я не знаю, как люди заражаются и вообще от чего. Но если по воздуху, то окна открывать уже было поздно. Но надежда ведь умирает последней! Надо было попробовать. Вдруг поможет?

Километров через пять я остановилась, вышла из машины и прикурила. Надо было перевести дух. Больше никого сажать в машину не буду! Я не могу так рисковать детьми! Мальчишки смотрели на меня испуганно.

Написала сообщения мужу и папе: *«В Москве началась какая-то эпидемия. Люди превращаются в психов с огромной скоростью. Берегитесь красных глаз и бегите из Москвы прямо сейчас! Не ждите! Берите большие вещи. Встретимся в деревне. Я еду туда. К вам заехать не смогу».*

Затем написала еще одну эсмэску мужу: *«Найди способ добраться до деревни! В метро не заходи. Дети в норме. Мы уже далеко. Мы будем ждать тебя».*

Очень сложно было все объяснить в одном сообщении. Я не знала, как муж и папа отреагируют, будут ли они действовать прямо сейчас, но надеялась, что через несколько часов мы встретимся в деревне.

Я написала еще несколько эсмэс – сыну, маме, сестрам. И тут у меня сел аккумулятор. В машине зарядки не было. Ведь давно собиралась купить! Я даже не узнаю, если мне кто-то ответит на сообщение. Надо найти магазин, пока эпидемия не дошла и сюда, и ехать дальше.

Я волновалась за мужа. Пусть я готова была развестись с ним, но лишать детей отца в мои планы не входило. На работу он ездил на метро. Как он будет выбираться из Москвы? Успеет ли? Успокаивало то, что его типография находилась за МКАДом. Рядом ходили электрички как раз в сторону нашей деревни в Калужской области. Но последние сто километров надо было проехать на автобусе. Сложный путь. А действовать следовало немедленно. И в замкнутых вагонах электричек тоже было опасно находиться.

Подъехать к его работе я не могла. Добираться до него мне пришлось бы не меньше часа, и для этого надо было снова вернуться вплотную к Москве. Что там будет твориться за такой промежуток времени, страшно представить.

Страшно. За всех детей. За себя. За родителей. За сестер.

Родители тоже жили на самом краю города. У папы был автомобиль, но уместить всех в одну машину с вещами – нереально. Ведь среди них было семеро взрослых и двое детей! Мама, папа, младшая сестра Олеся с мужем Максимом и пятилетним сыном Ярославом, старшая сестра Юлия с четырехлетним сыном Макаром, мой старший сын Ромик и его девушка Ника.

А ведь у меня была еще одна младшая сестра, Марина. Она жила со своим мужем Димой и двухлетней дочкой Кристиной практически в центре Москвы. Что же будет с ними?

Я не удержалась и зарыдала. Как можно держать эмоции, когда вокруг происходят такие страшные вещи?!

Мы подъезжали к кольцевой, в народе ее называли бетонкой, в двадцати пяти километрах от Москвы. Чтобы выехать на трассу до деревни, мне надо было по ней проехать около сотни километров, и все время я находилась бы в двадцати пяти километрах от Москвы, так как это кольцевая дорога. Слишком близко к Москве. Она всегда загружена фурами. Те, кому не надо было заезжать в столицу, объезжали ее именно по этой дороге. Для них это был самый короткий путь.

Выехав на бетонку, мы сразу встали в пробку с груженными фурами. Дети после потрясения заснули. Я постоянно поглядывала на них. Очень боялась увидеть, как они превращаются в тех, с красными глазами. И надо было найти магазин, где можно купить автомобильную зарядку для телефона.

Над нами пролетал самолет. Я подумала: «Повезло им, улетают из Москвы. Подальше от этого ужаса. И в пробках стоять не надо...»

Вдруг самолет перестал набирать высоту и начал резко снижаться. Затем снова резко взмыл вверх, а через мгновение камнем полетел вниз. Не может быть!

Все водители это видели. Движение на дороге остановилось. Я даже дышать перестала. Никогда это не забуду. Удар о землю. Взрыв. Черный дым. Секундная тишина, а затем крики. Кричали водители и их пассажиры из всех машин. Кто-то снимал все на телефон. Кто-то пытался дозвониться в службу спасения. Самолет упал в двух-трех километрах от нас.

Если ничего не сделать прямо сейчас, мы на этой дороге застрянем надолго. Я свернула на обочину и поехала по ней. Раньше я не рисковала так из-за больших штрафов за езду по обочине. Но сейчас разве это имело значение?

Проехав километра три, уткнулась в припаркованную фуру. Дальше пути не было. Но впереди я увидела небольшой рынок. Там можно было найти зарядку на телефон.

Страшно было оставлять спящих детей одних в машине, поэтому я их разбудила. В первой же палатке нашлась зарядка. Прихватив в соседней палатке две бутылки воды и конфет для детей, мы вернулись в машину в тот момент, когда фуры тронулись с места. Не спеша, но мы поехали.

Включила телефон, и сразу посыпались сообщения.

От мамы: *«Мы увидели новости. Выезжаем».*

От сына: *«Мама, где ты?»*

От мужа: *«Еду с Николаем Ивановичем на машине. Подъезжаем к Серпухову».*

От мамы: *«Таня, где ты? Как мальчишки? Напиши срочно!»*

От мужа: *«Я еду один. Николай Иванович заразился. Где вы?»*

И еще несколько сообщений от коллег: *«Ты куда пропала?»*, *«Что у вас в Москве происходит?»*, *«Нам Даша написала, что в Питере то же самое! Таня, у тебя все нормально?»*

Я пыталась перезвонить маме и мужу, но звонки до сих пор не проходили. Тогда я написала одно сообщение и нажала «отправить всем»: *«Я выбралась. Далеко от Москвы. Еду в деревню. Мальчишки в порядке».*

Муж отъехал от Москвы дальше, чем мы. Он приедет в деревню первым.

Дети снова заснули. Я включила радио на небольшой громкости.

«...Мы не знаем, что это за болезнь. Уже очень много жителей Москвы заражены. Нам сообщают, что это происходит в нескольких городах: Москва, Питер, Самара, Уфа, Нижний Новгород, Владивосток... Люди в панике. Никто не знает причину заражения. Зараженные целуют здоровых людей... Зачем они это делают? Возможно, передают болезнь... Люди закрываются в своих домах. Кто-то пытается выбраться из города...»

Радио периодически пропадало. Я переключала станции.

«...военные вошли в Москву... перекрывают все выезды... людям рекомендуют не выходить из дома...»

Зазвонил телефон! Мама.

– Таня, где ты?

– На бетонке. Дети спят. Мы живы и здоровы. Пока что... Вы все выбрались?

– Да, Дима и Марина сразу приехали к нам на своей машине. Мы все успели уехать. Только Олеся с Максимом в Ижевске у бабушки Максима. Мы пока не смогли им позвонить...

– Как Ромик? Он с вами?

– Он с Никой в машине деда. Родители Ники на даче. Они ей приказали уезжать с нами...

Связь оборвалась. Теперь я почти спокойна. Все родные выбрались из Москвы. Город закрыли. Только о младшей сестре и ее муже ничего не было известно. Надеюсь, в Ижевске это не происходит.

Добравшись до Киевского шоссе, я обрадовалась: пробки нет. Военные перекрыли выезды из Москвы. Все, кто успел, уже отъехали далеко, и трасса была свободна. Людей на улице не видно. Услышав новости, все спрятались в своих домах.

На улицах небольших городов и деревень, которые мы проезжали, было тихо. Там не было вируса. Редкие прохожие испуганно смотрели на нашу машину. Ведь она с московскими номерами.

Ближе к вечеру мы добрались до деревни Алферьево в Калужской области, 245-й километр.

Мой муж уже ждал нас. Он долго обнимал детей и плакал. Мне он просто кивнул в знак благодарности, что смогла вытащить сыновей из кошмара.

Через час подъехали две машины. Родители, сестры с мужьями и детьми и мой старший сын со своей девушкой. После долгих объяснений, кто как выбирался, мы уложили детей спать, включили телевизор и смотрели его всю ночь.

В новостях сообщали, что все началось в крупных городах. Одни говорили, что вирус охватил двадцать городов, другие говорили, что сорок. После того, как военные попытались закрыть их, людей охватила паника. Кто-то спрятался в квартирах, кто-то пытался вырваться сквозь заграждения. Среди военных тоже началась паника и стрельба по людям, никто не разбирался, заражены они или нет. Конечно, убитые не вставали из мертвых, потому что они до этого не были мертвы. Они просто были заражены непонятным вирусом.

Никто не знал, где президент. Кто-то говорил, что его эвакуировали в убежище. Кто-то предположил, что он тоже заболел, потому что из убежища он вышел бы на связь.

В стране начался хаос. Мы боялись, что в любой момент вирус дойдет до деревни, потому что он вырвался из городов, несмотря на попытки военных удержать его там. Молодой журналист взял интервью у военного врача. Тот выяснил, что время заражения после поцелуя составляет около двух-трех часов. Зависит это от возраста и состояния здоровья. До «превращения» в организме нет никаких симптомов. Только анализ крови мог показать, заражен человек или нет.

Заснули мы под утро. Суток еще не прошло с начала событий. СМИ показывали только панику, погромы, пожары, которые снимали с вертолета. Никто ничего не мог внятно объяснить.

Наша деревня стоит в двух километрах от шоссе. В ней двадцать домов. Больше половины старые, построены в 80-х годах прошлого столетия. Остальные соорудили себе дачники.

В конце осени дачные и часть старых домов пустовали. Только в семи обитали местные жители. В других раньше жили старики, их дети разъехались по городам. Старики умерли, кого-то забрали в город. Деревня больше чем на половину пустовала.

В нашем доме когда-то жили мои дедушка и бабушка, но они давно умерли, еще в 2003 году. После их ухода здесь живет мамин брат, дядя Серёжа. В доме напротив – его бывшая жена, тетя Валя. Дети их давно выросли и уехали в разные города. Только старшая дочь Оля периодически туда возвращается. Она уезжала работать то в Калугу, то в Москву, то в Подольск. Но больше года нигде не оставалась. Возвращалась домой на несколько месяцев и снова уезжала куда-нибудь работать. У Оли есть дочь Катя, она живет здесь с бабушкой, с тетей Валей. В год начала катастрофы училась в девятом классе местной школы в соседней деревне Людково, через которую проходит шоссе.

В те дни Ольга была в Алферьеве, она планировала уехать через неделю в Подольск. Нашла там хорошую работу. Но планы ее не сбылись.

Несколько дней мы все жили с дядь Серёжей. Десять взрослых и пятеро детей. Спали практически друг на друге. Все мужчины и моя мама спали на полу. Детей с матерями расположили на кроватях. Когда разбирали вещи, выяснилось, что много важного не взяли. Ведь было некогда, собирались за несколько минут и в машины мало что смогли уместить. Детям не хватало одежды.

Теплые дни закончились, начинались заморозки. Приближалась зима.

В течение недели вещали только два телевизионных канала. Уставшие журналисты рассказывали, что зараженные вышли из городов, бродят везде. Вирус распространялся очень быстро.

«Нам стало известно, откуда пришел вирус», – вдруг сказал диктор.

Мы все замерли.

Оказалось, что была заражена водопроводная вода во всех крупных и средних городах. Все, кто пил воду, заболели в течение двух-трех часов. Те люди, которые спрятались в своих квартирах, когда началась паника, вышли из них на следующий день уже с красными глазами.

Я вспомнила, как дома, в Москве, налила в чайник воды, потом сделала себе кофе, но не успела выпить ни одного глотка. Бросилась собирать вещи и бежать. Это меня и детей спасло. В дороге мы покупали две бутылки воды. Но она была чистой.

Значит, все-таки террористы. И какой масштаб! Несколько десятков или сотен городов одновременно. Кому мы так сильно насолили, не было известно.

А где тогда президент? Вряд ли он пил воду из-под крана, пусть и фильтрованную. Получил заразный поцелуй? Об этом не сообщали.

«У нас осталась последняя бутылка воды, – испуганно говорила девушка с экрана. – Выйти мы не можем, вокруг тысячи зараженных. Нам продолжают поступать сообщения со всего мира. И мы будем вам их рассказывать, пока еще можем... А что еще нам остается делать? – девушка грустно улыбнулась. – Только что мы получили сообщение, что вирус вышел за пределы России...»

В этот момент вещание прекратилось. Я переключила на другой канал. Там тоже был серый шипящий экран.

Вот и все. С этого дня мы уже не могли никак узнать, что происходит в мире. Радио тоже не работало. Мобильная сеть, соответственно, и интернет отключились через два дня после начала эпидемии. Мы не знали, чего ждать.

Соседи старались не выходить на улицу. Все опасались нас, ведь мы приехали из Москвы. Они боялись, что мы в любой момент можем стать теми, зараженными. Им было неважно, что сказал военный врач о времени заражения. Не более двух-трех часов. Врач мог ошибаться, ведь у него не было достаточно времени на изучение этого злосчастного вируса.

Нам нужна была еда. Все запасы, что были у дяди Серёжи, быстро заканчивались. Даже те пачки макарон и риса, что я успела бросить в сумки с вещами. В избытке была только картошка, которую мама упорно сажала каждый год на большом огороде. Мы всегда ее раньше ругали за это. Купить картошку было намного выгоднее, чем сажать самим. Пропахать огород – надо заплатить трактористу, нарезать грядки – снова заплатить. За удобрение – заплати. За копалку – заплати. Плюс самим приходилось сажать, полоть, собирать. А это нелегко. А сколько денег тратили на дорогу, чтобы ездить в деревню и ухаживать за этой картошкой! А потом периодически приезжать, чтобы отвезти сначала один мешок в Москву, потом другой, третий... Но мама была непреклонна. И теперь мы были ей благодарны. Картошки целый погреб, а еще морковь, свекла, лук, чеснок и несколько кочанов капусты.

Летом мы варили много варенья и компотов. Фруктов и ягод у нас росло много. Но сразу отвозили их в Москву. И в итоге они остались там. Только несколько баночек стояли на полке в кладовой.

Домашний скот дядя Серёжа не держал. Он продолжал работать после выхода на пенсию, и заниматься скотом было некогда. Да и желания не было. У него были только две собаки и кошка. А их тоже надо было кормить.

– Надо съездить в Людково в магазин, – сказал папа. – Сколько у нас денег?

Подсчитали наши общие сбережения, стало понятно, что можно закупиться едой на всю зиму и жить спокойно. Воду мы брали в колодце. Рядом с нашим домом их было два. Отопление газовое. Газ продолжал поступать, свет горел. Пока что все было хорошо. Только тесно.

Еще в доме была печь. Ведь его строили в те времена, когда никакого газа рядом с нашей деревней еще не было. И если вдруг свет и газ пропадут, то обогревать дом будем по старинке.

Было решено утром отправиться в магазин, пока не начались снегопады и по проселочной дороге еще можно проехать.

Перед сном я вышла на порог покурить. У меня осталась последняя пачка сигарет. Папа мой тоже был заядлым курильщиком, и мы договорились, что завтра он купит побольше сигарет в тайне от других, а то они будут ругаться, что деньги потратили зря.

– Тань, – услышала я. – Я здесь.

Это была Ольга, моя двоюродная сестра, которая жила в доме напротив. Она тихо подошла к калитке.

– Дай, пожалуйста, сигарету.

Мы сели на лавочку.

– Вас все боятся. Если моя мамка увидит, что я с тобой сижу, не пустит домой. Скажет, что я тоже заболела.

– Оля, если бы мы были заражены, то давно бы уже вас зацеловали до красных глаз, – связвила я.

– Я знаю. Я слышала, что воду в городах заразили, и что люди начинают набрасываться на других уже через два часа. А вы тут неделю, и пока все здоровы. Поэтому мне не страшно.

Я благодарно улыбнулась.

– Мы завтра едем в магазин. Тебе привезти что-нибудь?

– Ты думаешь, они работают?

Я задумалась. Здесь пока тихо. И люди хотят кушать. Они будут продолжать ходить в магазин. Одно меня беспокоило: откуда в него привозят товар? Раньше товар привозили из Калуги. Но Калуга – большой город. А там было заражение? Если да, то за неделю на наших прилавках уже ничего не осталось.

Я затушила окурок и сказала:

– Завтра узнаем.

Утром папа и дядя Серёжа уехали в Людково, но вернулись слишком быстро.

– Все закрыто, – сказал дядя Серёжа. – И на улицах никого нет. Мы зашли к Бородиным, но они не открыли.

– Боятся? – спросила я.

– А кто ж их знает! Может, боятся, может, спрятались. Марковы и Бекасовы тоже не открыли. И там тишина. Даже цыган не видно.

– И что же делать? – спросила мама.

– Поедем в Мосальск, – предложила я. – Там много супермаркетов. Может, что-то открыто. Давайте проверим? Кушать ведь надо.

Мама всплеснула руками:

– А если там зараженные?

– Мы быстро уедем, – сказала я. – Они ж летать не умеют. И бегать, по-моему, тоже. Я не видела, чтоб они бегали. Только ходили.

– А вы к Рачкову, владельцу магазина, домой не заезжали? – спросила мама у дяди Серёжи.

– Заезжали. И к Андриянову тоже, у которого желтая палатка. Они тоже не открыли.

Все думали об одном и том же.

– Может, их там и нет? – сказал папа. – Но как проверить? Лезть через забор? А если солью в зад нам выстрелят? Убежать не сможем!

Папа, как всегда, не падал духом и шутил. Он во всех ситуациях так делал. И мне всегда это нравилось. А мама, наоборот, постоянно спорила и предлагала свои варианты решения.

– Не надо на чужую территорию лазить. Пойдем к Зинке. У нее пятьдесят кур и уток. И соленья, наверное, есть. Купим у нее. Ей одной много не надо.

Я засмеялась.

– Что-то я сомневаюсь, что она тебе что-то продаст. Она же всех ненавидит.

– Ну а вдруг?.. – сказал папа и подмигнул. – Я сам пойду. Поулыбаюсь.

– Нас ведь все боятся, – сказал мой муж. – Дядь Серёж, сходите вы. Она вам не откажет. Вы же сосед.

– Ага, – ухмыльнулась я. – Только соседу пока дверь никто не открыл. И она не откроет.

Зинка была вредной бабой, одной из тех, кто любил поскандальить по каждому поводу. В деревне не осталось ни одного жителя, с кем бы она не поругалась. Даже ее взрослые дочери перестали с ней общаться. Но хозяйство у нее было большое. Несколько десятков кур, цыплят, уток бродили по всей деревне. Выбегали на дорогу, не давая проехать.

Однажды, когда мои младшие мальчишки были еще маленькими, они поймали одного цыпленка и смеха ради бросили его в пруд возле ее дома. Цыпленок остался цел, выплыл, отряхнулся и отправился гулять. А вот Зинка подняла такой крик, что слышно было за километр. Прибежала ко мне.

– Понарожала детей, а воспитывать их не собираешься?! – кричала она.

Я пыталась с ней вежливо разговаривать, не повышая голоса, но хватило меня ненадолго. Как только она начала угрожать своей собакой, что та перепрыгнет через забор и покусает моих детей, я прогнала ее, предупредив, что если мои дети из-за нее пострадают, то вопросы будем решать цивилизованно – через суд.

Зинка чуть не захлебнулась от возмущения, но больше не приходила. Видимо, ей хватило той порции энергии, которую она успела высосать из меня.

С ней никто не хотел связываться. Знали, что она использует любой малейший повод, чтобы снова поднять шум.

Дядя Серёжа вздохнул, взял деньги и пошел. О его провале было слышно на всю деревню.

– Пусть убираются в свою Москву! Чего они сюда приперлись?! – кричала Зинка. – И деньги эти заразные оставьте себе! А лучше сожгите!

Нам нужен был другой план.

В Людкове жил мамин родной брат Лёня со своей женой, тетей Олей. Еще один мой родной дядя. Надо съездить к нему. Он нам должен открыть. Ну хотя бы через дверь сказать, что у них происходит. Тетя Оля была инвалидом. У нее было что-то с ногами или спиной, я не знаю. Она не выходила из дома, и за несколько лет очень сильно расплнела. Настолько сильно, что по дому ходила с палочкой. Вряд ли она могла убежать далеко сама. Если только на машине. Надо проверить, стоит ли их старенький жигуленок в гараже.

Я настояла, что поеду в Людково сама. Я не испугаюсь перелезть через забор и заглянуть в окно. Папа, дядя Серёжа и Рома поехали со мной.

Действительно, в Людкове не было видно ни одного человека. Как будто деревня полностью вымерла, а жили в ней человек триста. Куда же они все делись?

– Да прячутся, наверное, – сказал муж.

Мы подъехали к дому Лёни. В окнах не было видно никакого движения. Я постучала в дверь. Тишина.

– Лёня! Теть Оля! – покричала я. – Вы дома? Скажите, что происходит? Можете не открывать, просто скажите через дверь, почему вы не выходите?

Никто не ответил. Дверь была закрыта на ключ. Я обошла террасу и подошла ко второй двери со стороны двора. И вот везение! Она оказалась открыта.

Зайдя на террасу, я шепнула:

– Лёня, тетя Оля...

Мне стало страшно. Вдруг они все-таки в доме. И мне было жутко от того, что я могла там увидеть.

На террасе все выглядело обычно. Аккуратно застеленный диванчик, ведра с водой на полу, у двери в дом стоят мужские ботинки. Я постучала в дверь, которая вела внутрь дома. Тишина. Подошел папа и медленно открыл ее.

– Алёха, ты дома? – спросил он.

Распахнул дверь шире и вошел. Я за ним. Но никто к нам не вышел. Дом оказался пустой. Шкаф открыт. Какие-то вещи разбросаны на полу и на диване. На кухне опрокинутый лежит стул. Этот дом покидали в спешке.

– Машины нет в гараже.

В дом вошел дядя Серёжа.

– У соседей тоже нет машины. Они уехали все.

Мы решили проверить другие дома. Оказалось, что во многих из них двери не были заперты. Мы входили внутрь и видели одну и ту же картину: открытые шкафы, кругом разбросаны вещи, у кого-то на столах недоеденные обеды.

– Они сбежали, – тихо сказала я. – Но почему мы об этом не знаем? Почему к нам никто не заехал?

– Что будем делать? – спросил муж.

– Если они убежали, то им еда не нужна, – твердо сказала я.

– Ага, а если они вернуться скоро? – уточнил Рома.

Мы долго думали, как нам правильно поступить, и решили, что если мы из холодильников возьмем то, что скоро может испортиться, то на нас сильно не обидятся. Все равно пропадет!

Мы снова вернулись к Лёне в дом. В холодильнике нашли закрытый пакет молока, кастрюлю супа, который плохо пахивал уже, высохшие макароны, две банки рыбных консервов и замороженную курицу. Я вылила суп и выбросила макароны за двор. Если они вернуться, то им не придется отмывать заплесневелые кастрюли. Остальное мы решили забрать.

Я знала, где они хранят заготовки на зиму. В коридоре мы откинули ковер и открыли люк в полу, который вел в глубокий подвал. Тетя Оля всегда любила закрывать много разных

банок: с вареньем, с солеными огурцами и помидорами, квашеную капусту и лечо. Она делала такие большие запасы, что им хватило бы на несколько лет. Мы взяли несколько банок разных солений, но сильно не нагтели.

На столе я оставила записку, что в доме были мы. Просила нас извинить. И что потом обязательно все отдадим, когда они вернуться. Просила сообщить об их возвращении.

Так же мы сделали еще в пяти домах. Брали немного и то, что долго храниться не может. У кого-то брали один-два пакета крупы, у кого-то консервы или мясо из морозилки, у кого-то соленья и конфеты. Детей ведь тоже надо было порадовать. Я нашла несколько пачек сигарет и две бутылки водки. Не думая, взяла и их. В каждом доме оставляла записки. Деньги оставлять не стали на случай, если сюда придет кто-то чужой.

Нам удалось собрать еды целый багажник.

– Может, все-таки вскрыть один из магазинов? – предложила я. – Их тут четыре. А то в чужих домах как-то неудобно брать еду. Нас потом посадят.

Папа засмеялся.

– Кто? Больные с красными глазами? И в наказание будут нас зацеловывать? А за магазин нас не посадят?

Все посмеялись. Но в каждом взгляде были сомнение, тревога и страх.

– Вы понимаете, что нам этого надолго не хватит? – продолжила я. – А в магазинах тоже есть много продуктов, которые быстро испортятся. А зачем им пропадать?

– Давайте посоветуемся с остальными, – предложил муж.

Так и решили сделать.

На этот раз даже мама не спорила. Неуверенно, но согласилась, что лучше вскрыть дверь магазина. И также оставить записку. А когда вернется хозяин, то сразу за все заплатим.

Мы даже не представляли масштаба катастрофы, которая происходила в мире! Если бы знали, что там творится, то не сомневались бы, брать или не брать, что брать и сколько.

Наш дом разделен на две половины. В каждую есть отдельный вход. За стеной живет баба Нина и ее сын Толик. Баба Нина очень добрая и милая старушка. Раньше всегда угощала моих мальчишек конфетами, а я ей в благодарность приносила из леса то чернику, то ведро опят. Толику совсем немного оставалось до пенсии. Он, как и его мама, очень добрый и веселый человек. Часто выпивал и становился еще добрее. С соседями нам повезло. И я с радостью поделилась с ними продуктами, которые мы привезли в этот день. А сестре Ольге дала две пачки сигарет и конфеты для Кати.

Я была в доме у бабы Нины, когда в деревне погас свет. Следом прекратилась подача газа. Батареи остыли.

Мы понимали, что электричество больше не включают. Скорее всего, уже некому было его включать. И утром тем же составом отправились в магазин «спасать» продукты.

Папа за пять минут открыл дверь первого магазина. По жизни он был мастером на все руки. Ремонтировал квартиры, отделывал дома. У него всегда были клиенты, его ценили и уважали. Он мог починить все что угодно. И в нашей с мужем квартире сделал хороший ремонт. И в своей квартире у него всегда было уютно. Поставить замок или починить его – для него было не проблемой. Поэтому и вскрыть дверь он смог очень быстро. А точнее, он справился с замком обычным ломом.

Во всех четырех магазинах, что есть в Людкове, стояли сигнализации. Было несколько случаев краж, и хозяева магазинов старались уберечь свой товар. Но после отключения света сигнализации не работали. Да и приехать на их сигнал было уже некому.

В первую очередь мы брали продукты, которые могли быстро испортиться, из холодильников и морозильников. Мясо, рыбу, полуфабрикаты, масло, творог, пельмени, колбасу и сыр.

А потом брали все подряд: крупы, консервы, шампуни. Лежали там и фонарики с батарейками, которые нам сейчас были ой как нужны.

Но в небольшой багажник автомобиля много не поместилось. Мы решили отвезти все домой и снова вернуться.

Садясь в машину, папа замер.

– Смотрите! – крикнул он.

Со стороны Москвы по шоссе мчался автомобиль. Это был военный грузовик. Не мешкая, мы бросились ему навстречу.

Автомобиль затормозил возле нас. Оттуда выскочил солдат, парень лет двадцати.

– Вы что тут делаете? Почему не уехали?

– А куда уезжать? – спросила я. – Где все люди?

– Их эвакуировали на Север. И вам надо бежать... Хотя уже поздно.

– Почему поздно? Почему на Север? Что происходит? Почему нам никто ничего не сказал? Мы живем в соседней деревне!

Мы заголосили, перекрикивая друг друга.

Парень сел в машину и в открытое окно сказал:

– Мужики! – посмотрел на меня. – И девушки. Бегите. Сюда идут зараженные. Их несколько миллионов. Миллионов! Они идут на юг. Замерзли, сволочи.

Парнишка хихикнул.

– Всех людей эвакуировали... Кого успели. Видимо, наши ребята не внимательно объезжали деревни. Но многие автобусы с людьми попали в засаду... Мы не ожидали, что толпа больных пойдет и этой дорогой. Наверное, юго-запад их тоже устраивает.

– А если мы просто спрячемся и переждем, когда они пройдут? – спросила я.

– Девушка, они заходят в каждый дом, а у закрытых дверей стоят по несколько часов.

И если вы сможете без единого звука провести несколько дней, то вам повезло. Когда они вас услышат, уже не уйдут. Их слишком много. Своим напором просто выдавят дверь, и все. Мы не знаем, что у них в голове. Но мы точно знаем, что их главная цель – заразить всех на этой чертовой планете. Поняли? Так что удачи вам. Она вам понадобится.

Он махнул рукой и резко тронулся с места. Я еще так много хотела у него спросить! Куда он едет? Придет ли еще помощь? Куда именно эвакуировали людей? Как далеко зараженные? Когда они дойдут сюда? Можно ли уехать с ним?

Мы не знали, что нам делать. Стояли растерянные и смотрели вслед скрывшемуся грузовику.

Вернувшись в Алферьево, я закричала:

– У нас новости! Мы видели военных! Идите скорее все сюда!

Все жители забыли, что еще утром боялись нас. Они быстро собрались в центре деревни. Раньше на это место два раза в неделю приезжала автолавка с продуктами. Не все старики могли дойти до Людкова, чтобы купить продукты. И для них и других отдаленных деревень был организован передвижной магазин. Машина всегда останавливалась в центре деревни возле нашего дома, и жители собирались вокруг нее. Купив продукты, они еще долго стояли и разговаривали, сплетничали и обсуждали дела насущные.

И сейчас все собрались в этом месте возле нашей машины с продуктами. Как будто был обычный день, и в мире все было по-старому. Даже вредная Зинка пришла, но стояла в стороне. Побаивалась нас.

Мы рассказали о встрече с солдатом и о том, что сюда идет огромная толпа зараженных.

– Что будем делать? Уезжать? – спросил мой старший сын Ромик.

Моего мужа тоже звали Роман, и чтобы они понимали, к кому из них я обращаюсь, сына я называла Ромиком, а мужа просто Рома. Ромик обнял свою девушку Нику. Было видно, что

она сильно напугана. Вдали от своих родителей, в мире, где творится хаос, ей было нелегко. Она почти ни с кем не общалась и старалась не отходить от моего сына.

Я подошла к ним, ободряюще улыбнулась Нике.

– Поехали в Лесутино. До него семь километров, может, они туда не дойдут, а пройдут по шоссе. Завалим дорогу деревьями. Может, их это остановит. Мы не знаем, как они думают. Вдруг повезет, и этих препятствий будет достаточно.

– А если нет? – спросила баба Нина. – Может, лучше в погреб?

– Несколько дней в погребе? Мы там замерзнем, и дети не смогут там сидеть тихо, – ответила мама.

Мы понимали, что бежать на юг, куда идут больные, нет смысла. Бежать на Север сквозь них – глупо. Мы не пробьемся через миллионную толпу. Прятаться дома – очень опасно. Дети не смогут сидеть тихо несколько часов, а несколько дней тем более. Они будут плакать от страха, просить есть и просто могут захотеть в туалет. В погребе мы замерзнем. В лесу постоянно придется жечь костры, этим мы привлечем внимание. Других вариантов мы не знали.

Все были растеряны.

Зинка не стала ждать нашего решения. Бросилась в свой дом, закрылась там и занавесила окна. Я хотела ее остановить, но мама сказала:

– Она одна. Сможет сидеть тихо. Не трать на нее время. Выживет. Такие всегда выживают.

Мы решили ехать в Лесутино. Но не все согласились с этим. Три семьи спрятались у себя в домах. Мы пытались их отговорить, ведь у них тоже были маленькие дети. Но они не стали нас слушать и разошлись.

Прихватив теплые вещи и еды дня на три-четыре, мы запрыгнули в машины. Нас было двадцать семь человек вместе с детьми.

Лесутино – маленькая деревня в семи километрах от шоссе, за нашей деревней. Там стоит десять домов. Летом во всех домах живут дачники, а осенью только две старушки, одна женщина и один мужчина. Мужчину зовут Женя. Он друг дяди Серёжи.

В Лесутино тоже не знали, что всех эвакуировали. Приехав к Жене, мы все рассказали. Он не стал задавать много вопросов. Быстро распределил нас по домам, собрал старушек у себя и выдал всем мужчинам топоры и пилы.

– Пойдемте, – твердо сказал он. Мужчины ушли валить деревья, чтобы перекрыть ими дорогу. Даже Ромик отправился с ними, ведь он уже не был мальчиком и предпочитал работать наравне со всеми.

А старушки сказали:

– Да, видели мы новости, что творится в городах. А нам-то что? Это же в городах. Мы живем среди лесов, какое нам до городских дело?!

Мы пытались объяснить, что это касается всех жителей: и городских, и деревенских. Ведь больные давно вышли из городов и теперь разгуливают по деревням. А старушки отвечали:

– Городские слабенькие, болезненные все. Пока дойдут досюда, издохнут!

Не стали мы с ними спорить, просто попросили сидеть тихо. Старушки демонстративно обиделись, но сидели молча. Нам же как раз это и требовалось.

Я попала в дом бабы Кати, которая умерла несколько лет назад. Она была бабушкой моей двоюродной сестры Ольги. Старенький дом. Пол скрипел, печь облупилась, кровати отгорожены занавесками, а запах в доме стоял затхлый.

Ольга и ее мама, тетя Валя, затопили печь. Так как в доме никто не жил, температура в нем была такая же, как на улице. С нами расположилась Ольгина дочь Катя, мои младшие сыновья и Ника. Муж и Ромик должны были вернуться после того, как закончат с деревьями.

Родители и сестры с детьми зашли в соседний дом. Баба Нина отправилась к местным старушкам в дом Жени. С нами была еще одна семья из Алферьева, семья Лысовых. Супруги и три дочери. Дочки были уже большими. Они спрятались в крайнем доме, самом дальнем от дороги.

Мы приготовили несколько ведер с водой. Если зараженные появятся на горизонте, потушим печь, чтобы не привлекать внимание. Я открыла продукты, которые были запакованы в целлофан, чтобы позже не шуршать им. Высыпала все по тарелкам и на скатерть, расстеленную на полу. Опустив одеяла и подушки на пол, мы сели на них, чтобы нас не было видно в окна.

На улице пошел снег. Крупный, хлопьями, усиливаясь с каждой минутой.

– Может, дорогу завалит снегом, и больные не смогут пройти к нам? – с надеждой спросила тетя Валя.

– Мама, чтобы они не прошли, снег должен идти дня три, – ответила Ольга. – А если они уже рядом?

В этот момент резко открылась дверь. Мы вздрогнули, а Тимоша вскрикнул. Но тут же успокоился. Пришли мужчины.

– Мама, они рядом. Мы их видели вдалеке. Они в Алферьеве.

Ромик сел рядом с Никой и прижал ее к себе. Девушка дрожала как осиновый лист. По ее взгляду было видно, что не от холода, а от страха.

– Тушите печь, – сказал Рома, мой муж.

Температура в доме успела подняться градусов до пятнадцати. Этого было мало, чтобы сидеть несколько дней. Уже к утру дом остынет, и мы замерзнем. Я засомневалась, что мы приняли правильное решение приехать сюда. Но отступить было поздно.

Все замерли. Младшие дети прижались ко мне и сидели очень тихо. Они понимали, что их ждет, если они будут шуметь. Они не хотели снова встретиться с людьми с красными глазами. Слишком сильно они перепугались в тот день, когда все началось и нам пришлось убежать из Москвы.

Прошло около двух часов. На улице было тихо. Солнце давно село, а снег продолжал идти. За окнами ничего не было видно.

Несмотря на опасность, очень хотелось кушать. Дети первые попросили печенья и бутерброды, лежащие перед нами на скатерти. Как говорят, война войной, а обед по расписанию. Да, было страшно. Да, зараженные ходили рядом и их было очень много. Но сколько мы могли так просидеть? В доме было прохладно, пришлось кутаться в куртки и не снимать сапоги. Двигаться страшно, чтобы не производить шума, а, чтобы не замерзнуть, надо было есть.

После ужина дети заснули. Я накрыла их пыльными, но теплыми одеялами и подползла к мужу.

– Вы видели, чтобы больные шли в эту сторону? – шепнула я ему на ухо.

– Нет, мы подъехали ближе к Алферьеву, чтобы положить несколько бревен, и увидели, как там по деревне ходит много людей. Они бродили туда-сюда между домами.

– Надеюсь, сюда они не пойдут. Это ведь живые люди, им должно быть холодно. Ведь не просто так они на юг идут.

Постепенно я задремала, прижавшись спиной к чуть теплой печке. Разбудил меня тихий стук в окно. На улице уже светало. Все в доме спали. Осторожно выглянув в окно, я увидела Женю. Он махал рукой, призывая выйти на улицу.

– У вас все хорошо? – спросил он, когда я вышла на порог.

– Да, все спят.

– Надо сходить проверить, где эти твари. Позови Ромку.

Муж услышал, как я выходила, и появился за моей спиной.

– Идем, – сказал он Жене, натягивая шапку.

Снег продолжал сыпать крупными хлопьями. Ветра не было. На улице стояла полная тишина. И была такая красота, что не хотелось заходить в дом. Хотелось стоять и смотреть, как серая земля покрывается белым покрывалом. Хотелось дышать чистым воздухом. И казалось, что в мире все по-прежнему. Там, в городах, обычная людская суeta обычного рабочего дня. А здесь спокойная размеренная жизнь. Что вот сейчас приедет автолавка, соседская старушка придет поболтать, так как скучно, и телевизор плохо показывает из-за снега, падающего на антенну. Дети, обрадовавшись началу зимы, схватят детские лопатки и весело начнут раскидывать снег в разные стороны.

Я продолжала стоять на пороге, представляя обычную жизнь, на минуту забыв об опасности, и не сразу услышала, как меня тихо зовет Лёша.

– Да, Лёшенька? Что ты хочешь, сынок?

– Я хочу писать, – ответил Лёша, переминаясь с ноги на ногу.

– Пойдем на улицу. Там тихо. Никого нет.

– А где плохие?

– Они ушли. Папа пошел посмотреть, куда они ушли.

Лёша схватил меня за руку.

– Папа вернется? Я хочу к папе!

Я поцеловала его в лоб.

– Обязательно вернется. Не переживай. Он быстро сходит и придет к тебе. А теперь побежали в туалет.

Ко мне вернулась тревога. Я места себе не находила. Незнание мучило. Хотелось самой побежать посмотреть, что там происходит, но не могла оставить детей.

Мужчины долго не возвращались. Они пошли пешком, чтобы не привлекать внимание. Автомобили слышно издали, а пешком можно остаться незамеченными. До Алферьева пять километров. Час туда и час обратно, но прошло уже почти три часа, как они ушли.

Я проверила родителей, бабу Нину. Там все было хорошо.

– Может, снова затопить печь? – предложила тетя Валя. – Дом почти остыл.

– Не знаю, – задумалась я. – Надо дождаться мужчин. Посмотрим, что они скажут.

Прошло еще полчаса. Я не выдержала и побежала к маме.

– Мама, побудь, пожалуйста, с мальчишками. С тобой им будет спокойнее. Мужиков давно нет. Надо проверить, что с ними.

Мама хотела возразить, но я не дала ей вставить ни слова.

– Там и твой муж. Уверена, ты тоже хочешь узнать, что происходит.

Не дожидаясь ответа, я тихо вышла на улицу. Мама следом. Я проследила, как она вошла в дом к моим сыновьям, и быстро побежала к дороге. Насколько могла, потому что за ночь выпало много снега и идти стало сложно. На снегу были видны следы четырех пар ног: папы, Ромы, Жени и дяди Серёжи.

Пройдя километр, я увидела на дороге бревна и ветки, которые они вчера тут сложили. Следы вели дальше. Чем дальше я шла, тем тревожнее мне становилось. А если они уже одни из них? Если нас уже ничто не спасет? У нас не осталось путей отхода. Вокруг стоял глубокий лес. Эта дорога была единственной, которая вела на шоссе.

Вдруг впереди послышались шаги. Спрятавшись за кустами, я затаила дыхание. Но через мгновение вышла, вздохнув с облегчением. Это были наши мужчины.

– Почему вас так долго не было? – шепнула я им.

– Они ушли, – в полный голос ответил папа. – В Алферьева никого нет. Мы заходили в дома, где люди остались, но и их там нет. Двери открыты.

– Все-таки убежали? – спросила я.

Папа пожал плечами.

– Или вступили в ряды красноглазых, – сказал Женька.

– А Зинка?

– И Зинки нет, – ехидно ответил Рома. – Наверное, бродит уже с красными глазами.

Папа продолжил:

– Мы сначала долго наблюдали, не подходили. Вдруг их за домами не видно. Потом окольными путями подошли ближе. Через огороды. Там все затоптано следами. Они обошли каждый дом, каждый двор, но в Лесутино не пошли. Следы остановились возле плотины в конце деревни.

– А к шоссе вы не ходили? – обратилась я к мужу. – Может, они в Людкове еще? Вдруг снова сюда пойдут?

– Не ходили. Мы знали, что вы волнуетесь и решили вернуться.

В Лесутине нас ждали.

– Бабка Маня померла, – вышла навстречу к нам баба Нина. – Не выдержали нервного напряжения. Сердце остановилось.

– А говорили, что вас это не волнует... – тихо сказала я так, чтобы меня никто не услышал.

Бабка Маня всю жизнь прожила в Лесутине. Дети ее давно уехали в город и жили там со своими семьями. Приезжали они очень редко. Это все, что я про нее знала.

Мы приняли решение остаться в Лесутине еще на одну ночь. Женя с дядей Серёжей поехали в Алферьево на машине. Они хотели машину оставить там и пешком сходить до шоссе, посмотреть, что творится в Людкове. Сказали, что побудут в Алферьеве несколько часов. Понаблюдают. И если зараженные снова появятся на горизонте, то сразу приедут. Выбрали самую тихую машину мужа моей сестры Марины, Димы. У «ауди» был бесшумный двигатель, который не привлечет внимание за километр. Но сначала надо было убрать бревна с дороги.

Во всех домах снова затопили печи. На всякий случай ведра с водой не убирали, если придется быстро потушить огонь. Папа разобрал старый сарайчик во дворе бабы Мани и начал сооружать гроб для нее. Толик с Димой пошли копать могилу. К обеду все было готово.

Похоронили бабу Маню за ее огородом, до кладбища не пошли, потому что оно было далеко и пришлось бы тащить гроб через поле, а большой машины, чтобы ее туда отвезти, у нас не было. И шуметь лишний раз не хотелось.

Вернулись Женя с дядей Серёжей, рассказали, что в Людкове тоже море следов на снегу. В домах, которые не были закрыты на замок, двери нараспашку. Больные съели все продукты, кроме круп. Даже замороженное мясо было покусано. Значит, зараженные тоже голодные, кушать хотят. Вот только сухие макароны им не по вкусу, и закрытые двери они не умеют открывать. Консервы и заготовки на зиму тоже остались нетронуты.

Я вспомнила, что дверь магазина осталась открытой.

– Там они тоже все съели? – спросила я.

– Еще как! – ухмыльнулся Женя. – Хорошо, что вы много успели вывезти.

Он достал из машины три бутылки водки.

– И хорошо, что водка им не по вкусу, – ухмыльнулся он. – Надо отметить это.

– Не надо, – сказала я. – Еще рано. Они могут вернуться.

– Вряд ли, – сказал дядя Серёжа. – Мы проехали километра три в обе стороны от Людкова. Там никого.

Продукты, которые мы успели забрать из магазина, остались лежать в багажнике моего «ниссана». Ну ничего! В Людкове четыре магазина. И три из них были заперты. Плюс чужие дома, которые были на замке. Там тоже много чего осталось. Перезимуем. Главное, успеть все собрать до очередного снегопада, а то машины по сугробам не проедут.

Вторая ночь была спокойнее. Печь успела полностью протопиться. В доме было тепло. Вскипятили чайник, даже котлет нажарили, которые лежали у нас в багажнике. Мужики выпили водки и разошлись спать.

Мы понимали, что в Лесутине было безопаснее, но никто не хотел оставаться здесь надолго. Дома были очень старые. Мебель уже сыпалась, запах стоял тяжелый. Печи давно не топили, и вся мебель отсырела. Надо много времени, чтобы все просушить. И просто хотелось жить в своих домах, родных.

Утром мужчины отправились на разведку. Вернулись на этот раз быстро. В Алферьеве и Людкове никого не было. Зараженные должны быть уже далеко. И мы вернулись к себе домой.

Я сразу обратила внимание, что не слышно лая собак. Заглянула в будки к собакам дяди Серёжи. Их там не было.

– А где Амур и Грета? – удивилась я.

Дядя Серёжа грустно вздохнул.

– Сожрали, – ответил Женя. – Одни косточки остались.

– Как это? – удивилась я.

– А вот так. Эти твари жрут все подряд. И собак, и кур у Зинки половину сожрали, которых смогли поймать. Мы всех закопали. И обглоданные продукты тоже. Они ведь теперь заразы.

Мы услышали, как плачет тетя Валя. Во дворе она держала свинью, десяток кур и кроликов. Найти смогла только трех кур, которые залезли под потолок.

Женя махнул в ее сторону рукой.

– И у нее всех пожрали.

Оля успокаивала мать:

– Не реви! Что теперь ныть? У Зинки отловим тех, кто остался. Они ей больше не нужны.

Теть Валин дом, так же как у нас, состоял из двух половин. На второй половине за стеной жила Надька с мужем Серёгой, но все его называли Рябец. От фамилии Рябцев. У себя во дворе они держали овец и кур. И от них ничего не осталось. Больные ели сырое мясо как жаркое. Надька предложила тете Вале поделить оставшихся Зинкиных кур и уток поровну. А мы решили поискать уцелевшую живность в Людкове. Скорее всего, какие-то еще бегают по деревне. Зачем пропадать добру?!

Дядя Серёжа дал мне ключи от дома напротив. Через дорогу стоит небольшой дом его друга дяди Саши. Он жил здесь в теплое время, с мая по октябрь. А когда уезжал, оставлял ключи моему дяде. За две недели до начала событий он уехал в город Чехов, где жил в квартире всю зиму и часть весны. Мы надеялись, что он вернется, но понимали, что этого может не произойти никогда.

Дом у дяди Саши маленький. В нем стоят две кровати и шкаф. Мы бы не смогли здесь жить с тремя детьми и Никой. И я предложила этот дом бабушке и женщине, которых мы забрали из Лесутина. Звали их баба Тоня и Елена.

К Зинке никто не хотел идти жить. Уж очень противной она была, и энергетика в ее доме такая же. Я уверена, что в этом доме мне бы она снилась каждую ночь. Стояла бы, орала и махала кулаками. Ну уж нет! Надо выбрать другой дом.

Три семьи, которые не поехали с нами в Лесутино и пропали, жили в домах с бетонными стенами. Женя поселился в самом крайнем, ближе всего к Людкову. Сказал, что будет сторожем. И если что, то он первым увидит больных и сможет нас предупредить. Но на самом деле мы понимали, почему он выбрал этот дом. Он был новый. Построила его семья из Людкова лет шесть назад. Красивый и ухоженный. Хозяйка была очень аккуратной, а ее муж работящим. Вокруг дома стоят фигурки различных зверьков, на заборе сооружено настоящее гнездо, в нем «поселились» аисты, издалика похожие на настоящих, живых птиц. Вдоль забора фонари, которые заряжаются от солнечного света и освещают двор всю ночь без электричества.

В два других мы подумали пока не заходить. Вдруг хозяевам удалось убежать?! И они скоро вернутся.

– Папа, ты сможешь открыть дверь у тети Иры? – спросила я.

– Ох, не знаю. Там ведь Андрюха все делал, а делал он все на века, – папа засмеялся. – Хотя правильный выбор сделала. У них дом новый, крепкий и большой.

Я тоже засмеялась.

– Да, а еще там есть свой колодец и баня. К тому же в нем два этажа. Я Ромику с Никой выделю первый этаж. А с маленькими поселимся на втором, чтобы всех видеть и быть начеку. Больше здесь таких домов нет.

– Хорошо, – подмигнул папа. – Попробую открыть.

Он взял инструменты и ушел.

Теть Ирин дом стоял тоже напротив нашего, между домами Зинки и дяди Саши. Нам не придется друг к другу далеко ходить. Мама когда-то дружила с тетей Ирой. И когда та строила дом, одна, без мужчины, мы помогали ей. И кирпичи таскали для печки, и возили ее из Подольска, где она жила, в деревню. Тетя Ира наняла бригаду строителей, во главе которой был тот самый Андрюха. Так сложилось, что тетя Ира и Андрей полюбили друг друга. И стали вместе жить. Андрей дом построил на совесть, ведь строил его уже не на заказ, а для любимой женщины и для себя. Тетя Ира очень дорожила отношениями с ним и постепенно перестала со всеми общаться. Может, он не хотел этого, может, она сама решила все время посвящать любимому и не тратить его на дружбу с соседями. Мы не знали, но и не осуждали. Она была хорошей женщиной, после развода с мужем очень долго была одна, и мы были рады, что наконец-то она нашла свое счастье.

Когда все началось, тетя Ира с Андреем были в этом доме, но сразу уехали в Подольск, потому что там остались два ее взрослых сына. И не вернулись. А после того, как прошла огромная толпа зараженных, мы поняли, что они уже не приедут. Но все равно были готовы к тому, что однажды хозяева появятся на пороге. Я планировала сильно не нагнеть и после того, как папа открыл дверь в дом, аккуратно сложила хозяйские вещи в один шкаф и несколько коробок. Постелила свое белье. Протопила печь на двух этажах, помыла пол и вытерла пыль.

Первые несколько дней мне было неудобно жить в чужом доме. Каждый день ждала, что хозяева вернуться. А когда дорогу завалило толстым слоем снега, успокоилась.

До снегопадов мы каждый день ездили в Людково за продуктами. Открыли все магазины. Забрали оттуда все продукты, спиртное, сладости, спички и зажигалки, сигареты и батарейки. В двух магазинах собрали с прилавков носки, детские и взрослые, свечи, игрушки для детей. Не хватало только магазина с одеждой и обувью. Когда моя старшая сестра Юлия поняла, что забыла из-за спешки в Москве зимние ботинки для сына, то взять их было негде. И тогда мы решили снова пройтись по домам.

Дядя Сережа показал, в каких домах раньше жили маленькие дети. Нам было неудобно, но ради своих детей мы все-таки перебороли смущение и нашли обувь для всех, зимнюю куртку для папы и теплую одежду для Ники.

Ника уезжала из Москвы вообще без вещей. Когда все началось, забегать в свой дом было уже некогда. Первые дни она носила мою одежду и моих сестер. Но все время грустно при этом вздыхала. Да уж, мне бы тоже такое не понравилось.

В Людкове удалось поймать десяток кур и двух петухов. Поселили их на территории тети Иры в летнем домике. Раньше в нем жили тетя Ирины родители, когда она их привозила на лето. Теперь этот летний домик стал домиком для кур. Яйцами на всю зиму мы были обеспечены.

Мне было жалко, что Лёша не успел поучиться в школе, а Тимоша в нее, скорее всего, не пойдет никогда. Когда начались снегопады, надо было как-то коротать время. Зимой в деревне было скучно. Продуктов мы привезли на всю зиму, сигаретами обеспечили всех курящих, вещей теплых было в избытке. Дорогу завалило так, что ни пройти ни проехать.

В начале декабря ударили морозы. Гулять много дети не могли. Как раньше, скоротать время перед мультиками, уже не получится. И я начала заниматься с ними математикой и русским языком. Учебников у меня не было, только те, с которыми ходила Катя в школу, но она была уже большой и училась в девятом классе. И в семье Лысовых три дочери также учились в старших классах. Учебников для маленьких негде было взять. Надо было подумать об этом раньше, до снегопадов, и заскочить в местную библиотеку. Однако этот вопрос пришлось отложить до весны.

Поэтому примеры я придумывала сама. Тимошу учила читать, Лёшу правильно и аккуратно писать. Вечерами под свет свечи мы читали старые книжки со сказками, которые нашли в сарае у тети Вали. И мне это нравилось.

Я несколько лет работала в интернете и читала на ноутбуке. Лишь изредка, пока дети были в саду и школе, ложилась в горячую ванну и читала настоящие, бумажные книги до тех пор, пока вода не остынет. Или пока работа меня не выдергивала из ванной, чтобы снова сесть за ноутбук. А сейчас появилась возможность читать бумажные книжки каждый день. Не торопясь, не поглядывая на часы и не отвлекаясь на сообщения в телефоне и звонки.

Единственное, чего мне не хватало, это горячей ванны. Как же я ее люблю! Теперь мылись мы в бане, а я ее с детства плохо переношу. В ней жарко, часто начинает скакать давление и становится плохо. Приходилось мыться, когда нагретый воздух наполовину остывал. Зато детям нравилось в бане. Они плескались водой во все стороны и веселились от души, не опасаясь, что вода протечет к соседям снизу, как это могло случиться в городской квартире.

Еще мне нравилось, что теперь у нас раз в неделю было парное молоко. Лысовы всю жизнь держали корову. До нее зараженные не добрались: их дом стоит за речкой, а больные в тот день дошли только до моста и повернули обратно. Корова и все куры у Лысовых остались целы.

За то, что мы им привезли продукты на всю зиму, и потому что просто были доброй семьей, они делились со всеми молоком. Утреннее молоко оставляли себе, а вечернее раздавали по домам. Я была им благодарна! Мои дети тоже очень любят молоко, а магазинное быстро заканчивалось.

Всю зиму продукты мы хранили в холодильнике, но вытащили его на террасу. Она не отапливалась. И холодильник продолжал выполнять свою функцию даже без электричества.

Местные мужики часто выпивали. Водку они сложили в погребе, чтобы та не замерзала, но всегда оставалась холодной. Чем им еще было заняться? Они и до катастрофы часто выпивали, а сейчас вообще свободу почувствовали. И не надо было деньги на нее искать.

Чтобы скоротать время, каждый нашел себе занятие. Кто-то ходил на рыбалку, кто-то рубил дрова, чистил дорожки от снега. Сестры занимались детьми. Совместными усилиями мы соорудили горку для малышей. Полили ее водой. А потом и сами с радостью катались.

Новый год отмечали тихо. Салютов не запускали, большого застолья не устраивали. Экономили продукты. В центре Алферьева у дороги растет большая сосна. Мы нарядили ее игрушками и мишурой. Какой же красивой она получилась! Ольга зарядила в одной из машин свой мобильный телефон, включила музыку, и мы с детьми водили вокруг нарядной сосны хоровод. Я заранее припрятала несколько игрушек, которые положила под сосну в качестве подарков. Жаль, что у нас не было костюма Деда Мороза. Но дети все равно обрадовались игрушкам. Так что праздник у нас получился хорошим.

Мы отметили несколько дней рождения. К каждому торжеству моя старшая сестра Юля пекла большие торты, чтобы хватило на всех. Она умела печь так вкусно, что съедали их за несколько минут. Самый большой и красивый торт она испекла на свой день рождения, в который ей исполнилось тридцать восемь лет. Мне в ту зиму исполнилось тридцать шесть. А Лёше мы отпраздновали семилетие.

Однажды вечером в начале марта, когда дети уже спали, ко мне пришла Ольга.

– Мама целыми днями плачет. Она ждала, что приедет Пашка и Анька. Но они так и не появились.

Ольга говорила о своих родных брате и сестре. Пашка жил с женой и сыном в часе езды от деревни, в небольшом городе Кирове, а Аня – с мужем и дочкой в Калуге. Мы не знали, что с ними. Когда тетя Валя последний раз с ними разговаривала по телефону, те сказали, что обязательно приедут к ней. Но так и не объявились. Неизвестно, где они сейчас. Так же, как неизвестно, где моя младшая сестра со своим мужем. Когда все началось, они гостили у родственников в Ижевске, а Ижевск очень далеко.

Я налила горячего чая.

– Оля, я не знаю, что сказать. Я очень надеюсь, что они живы!

Оля помолчала и неуверенно произнесла:

– Может, когда растает снег, мы съездим в Киров? Туда всего лишь час ехать. Посмотрим, что с их домом.

– Конечно, съездим!

Оля тяжело вздохнула.

– Сегодня у Пашки день рождения. Мамка вообще с кровати не встает. Рыдает.

Я любила Пашку. Он был моим единственным братом. Двоюродным, но единственным. Так уж получилось, что у всех родственников рождались только девочки. А потом почти у всех девочек рождались только сыновья. У одной меня их было трое.

Я твердо решила весной съездить в Киров. Конечно, понимала, что, если Паша до сих пор не приехал, значит, он либо среди толпы зараженных, либо их эвакуировали, а захватить сюда не дали. Но проверить надо было. Вдруг записку какую-то успел оставить на всякий случай.

Я сомневалась, что мы сможем найти Аню, потому что она жила в большом городе... И Оля не предложила съездить еще и в Калугу. И я тоже промолчала. В большой город мы бы не решились поехать. Кто знает, сколько там бродит больных. Хотя в такое страшное время даже здоровые люди были опасны. Если они там остались.

Зима была долгой. Только в начале апреля прекратились снегопады, солнце пригревало, и сугробы начали таять. Мы настолько обжились в Алферьеве, что всем казалось – мы жили так всегда.

Это был самый долгий отпуск в нашей жизни. Не надо было спешить на работу, копить или экономить заработанные деньги, отвечать на бесконечные звонки или щелкать мышкой компьютера. Счета за квартиру, свет и интернет остались в прошлом. Да и самого интернета, и даже света не было. Раньше о таком отдыхе я только мечтала – отключить телефон, спрятать подальше ноутбук, лежать на диване, а лучше на пляже, и не думать ни о чем. Но любой отпуск рано или поздно надоедал. Через неделю-другую нет-нет, а все-таки помотришь на экран телефона или залезешь в социальные сети просто почитать, о чем там пишут. Незаметно для себя, даже если отпуск еще не закончился, возвращаешься к прежней жизни со всеми гаджетами, потому что привыкла, потому что не представляешь жизнь без них. А сейчас возвращаться было не к чему. Ничего не работало. Только одна привычка осталась: заряжать телефон от прикуривателя в машине. Так, на всякий случай.

Сидеть долго без дела было трудно. Несмотря на то что я раньше зарабатывала головой, все-таки работать больше любила руками. После многочасовых посиделок у компьютера физический труд был для меня отдыхом. Моральным и психологическим. Своего рода, разгрузка мозга. И телесной разминкой онемевших мышц. И сейчас я с нетерпением ждала, когда же можно будет вскопать огород и посадить овощи и цветы. А еще очень хотелось снова выехать из деревни. Сидеть на одном месте было тяжело и скучно. Хотелось какого-то движения. И продукты у нас постепенно заканчивались. В Людкове мало что осталось. Надо ехать в другие деревни. А еще половину жителей беспокоило то, что заканчивались сигареты и водка.

Весна быстро набрала обороты, и за неделю снег на дорогах растаял. Сугробы держались только в лесу.

Я стала собирать людей в дорогу. Мне не терпелось поскорее отправиться куда-нибудь. На этот раз поехали сразу на двух машинах. Всю зиму мы периодически прогревали двигатели, чтобы аккумуляторы не сели. Подзарядка была у дяди Серёжи, но без электричества она была бесполезна.

Как обычно, в машине я поставила мобильный телефон заряжаться. Вдруг жизнь в мире уже налаживается и связь появилась! А мы об этом не знаем, как не знали, что идет эвакуация. Но нет... Связи по-прежнему не было, как и света с газом.

Оля поехала с нами.

– Я устала сидеть тут, – сказала она.

Я ее понимала. Сама очень ждала, когда можно будет выехать.

Со мной в машину сели Оля и папа. В другую машину устроились Дима, Рома и Женя. Дядя Серёжа приболел, остался дома.

Из магазинов в Людкове мы все вывезли еще перед зимой. Поэтому пошли по домам, в которых оставалась еда. Папа быстро открывал двери. На этот раз мы забирали все, что осталось цело. Было жалко, что часть круп и печенье поели мыши. В холодильниках еще осенью все пропало. Но мы нашли много консервов, домашних заготовок и картошку в погребах, закрытые пакеты молока, которые хранились по полгода, а зимой они замерзли и срок годности у них увеличился, спички и много разных полезных вещей. А вот сигарет и спиртного мы нашли мало.

Наверное, придется скоро бросать курить, думала я.

Самым ценным продуктом был сахар. Он всегда быстро заканчивался. Его мы тоже добыли мало. Хорошо, что варенья было в избытке, а кое-где в кладовых стоял еще и мёд.

Многим из нас очень не хватало хлеба. Черствое печенье его не могло заменить. В печах мы пекли лепешки, а вот такой хлеб, как раньше продавали в магазинах, у нас не получался. Знать бы рецепт. Даже старушки не умели печь правильный хлеб.

– Тань, смотри, что я нашла! – радостно сказала Оля.

Она показала бутылку мартины. Дорогое удовольствие. Кто-то хранил ее для особого случая.

– Устроим праздник вечером? – спросила она.

Кивнув, я подумала, что на днях надо съездить в Киров. Оля ждала, когда я это предложу. И я не стала откладывать.

– Оля, в Киров поедem завтра.

– Хорошо, – обрадовалась она.

Во всех машинах бензин был на исходе. Придется ехать на заправку на Зайцеву гору, по пути в Киров.

На следующий день, сразу как рассвело, мы помчались на Зайцеву гору. Оля отправилась со мной, только она знала, в каком доме живет Пашка. И она сама хотела посмотреть, что там произошло. У Ромы поднялась температура, он рвался ехать с нами, но я приказала ему лежать в постели. С нами поехал Женька. С мужчиной было не так страшно ехать далеко. И всегда тревожной моей маме так было спокойнее.

– Будьте осторожны, – сказал Рома. – Дети не переживут, если ты не вернешься.

– А ты переживешь? – подколола я его.

Он отвернулся. Я сделала вид, что не заметила этого жеста.

– Я обязательно вернусь.

Детей забрали мои родители, чтобы те не заразились от своего папы. В Москве, когда мальчишки ходили в детский сад, они часто болели. Раз в месяц минимум неделю сидели дома

с температурой и кашлем. А здесь за всю зиму никто ни разу даже не чихнул. Это было удивительно. Видимо, свежий воздух и отсутствие множества других детей в одном помещении сделали свое дело.

До заправки двадцать километров. По пути мы проезжали три деревни. Там тоже было тихо и никого не было видно. Решили, что позже наведаемся сюда собрать еду.

– Надеюсь, бензин остался, – сказал Женя, доставая из багажника ведро и длинную веревку.

Он открыл люк в бак, находящийся под землей, взял длинную палку, которой заправщики измеряли уровень бензина, опустил ее и вынес вердикт:

– Литров триста-четыреста есть.

Привязал веревку к ведру, опустил его вниз и поднял полное бензина.

– Отлично! – обрадовалась я и побежала внутрь магазина, чтобы найти воронку или бутылку, из которой можно было ее сделать.

Нам удалось заполнить не только бензобак в машине, но и несколько десятков пятилитровых бутылок, в которых продавали воду. Слили из них воду и заполнили бензином.

– Интересно, – сказала я. – Какой это бензин: девяносто второй или девяносто пятый?

Женя засмеялся.

– А кто его знает! Нам любой подойдет.

Бутылки спрятали в лесу, накрыв их ветками. Вдруг не одни мы тут рядом живем! Решили, что заберем, сколько сможем, на обратном пути. И поехали дальше.

На повороте в Киров бродила небольшая стая собак. Они бросились за нами, лая и пытаясь укусить за шины. Было заметно, что они голодные и злые. Не хотелось бы мне оказаться у них на пути.

До эпидемии в Кирове проживало тридцать тысяч человек. Но сейчас в городе было пусто. На улицах грязно, кругом прошлогодняя листва и мусор.

Пашка жил на втором этаже трехэтажного дома. В окнах не было видно никакого движения. Поднявшись на второй этаж, постучали в квартиру. Тишина. Я дернула за ручку, и вдруг дверь открылась.

– Паша, – тихо позвала Оля, но никто не ответил.

Мы осмотрели все комнаты и по уже знакомым нам следам поняли, что Пашка с семьей убежали отсюда быстро, оставив разбросанные вещи. У него была своя машина, и если он спасся на ней, то почему не заехал к нам? К своей матери и сестре? Не попытался забрать их с собой? Ведь он планировал приехать, как сказала тетя Валя. Ответа мы не знали. Знали одно: Павел серьезный и ответственный человек. Если он не смог приехать, значит, на то были причины.

Выйдя из подъезда дома, мы все посмотрели в одну сторону и подумали об одном и том же. Через дорогу стоит «Пятёрочка». Этот магазин был в каждом городе. Крупная сеть, любимая многими за невысокие цены и постоянные акции. В «Пятёрочку» зараженные не заходили, потому что она была закрыта на замок.

Чтобы попасть внутрь, Женя камнем разбил стекло на входной двери. К счастью, стекло было обычное. Осколки разлетелись в разные стороны всего лишь от одного удара.

Радости нашей не было предела! Товара в магазине было много, полки полностью заставлены различными продуктами и бытовой химией. Увезти все, что хотелось, за один раз не получилось бы, поэтому загрузили заднее сиденье только дефицитными товарами: сахаром, конфетами, молоком, спичками и сигаретами. На пол Женя поставил ящик водки. Багажник оставили пустым, так как надо было забрать бутылки с бензином.

И вдруг я увидела стаю собак. Они быстро приближались. Грязные, лохматые, пасти открыты, а в глазах безумство и свирепость. То еще зрелище!

– Быстрее! – испугавшись, крикнула я Жене. Он задержался в магазине, пытался там что-то найти. – Собаки бегут! Женья!

Женька выскочил из магазина, держа в руках две бутылки дорогого коньяка.

– Трогай, – сказал он, захлопнув дверь. – Он стоит по три тысячи за бутылку! Давно мечтал его попробовать.

– Попробуем вместе, – засмеялась Оля. – И Таньку надо напоить.

– Нет, ребят, не дождетесь! – сказала я. – Должен же кто-то всегда быть начеку.

Спиртное я не люблю. Вообще. Никакое. И никакая сила меня не может заставить выпить хоть чуть-чуть. Даже в большие праздники. Оно для меня как снотворное. Выпью бокал вина или пару глотков коньяка, и все – могу заснуть даже стоя. Терпеть не могу чувство опьянения. Когда головой все понимаешь, а сказать так, чтобы язык не заплетался, не получается. Меня это злит. А наутро!.. Нет уж, я люблю просыпаться с ясной головой. А раскрепощенность или расслабление алкоголь мне не приносил никогда.

Стая собак промчалась мимо нашей машины.

– Надо было им корма рассыпать, – сказала я.

– Они сами справятся, – ответила Оля. – Смотри, они уже рванули в магазин.

Собаки забежали в «Пятёрочку» через разбитые двери. Было видно, как они носятся между полок и хватают зубами все подряд. На пол с грохотом посыпались пакеты и банки. Псы рвали зубами пачки макарон и кошачий корм. Сегодня у них пир!

Когда мы вернулись домой, тетя Валя заплакала, увидев, что мы приехали без ее сына. Оля рассказала ей, что Паша уехал на своей машине. Что, скорее всего, все жители Кирова эвакуировались и живут сейчас где-то на Севере. И когда у него будет возможность, он обязательно приедет к нам. Но эти слова не успокаивали тетю Валю. Она ушла в дом и не выходила оттуда до следующего дня.

В начале мая на общем собрании мы решили, что за продуктами поедем в Юхнов. Это небольшой городок в тридцати пяти километрах от нас. Раньше в нем было много разных магазинов и заправка. А еще там можно раздобыть газовые баллоны. Мы их подключим к плитам, которые есть в каждом доме. На печи не очень удобно готовить. А если еда остается в кастрюлях, то, чтобы ее разогреть, приходится ждать, когда снова придет пора топить печь. Или разжигать костер во дворе. Или есть холодной. Впереди лето, печи топить будем реже. С газовыми баллонами должно быть намного удобнее.

– Таня, может, ты не поедешь? – спросила мама. – Мальчишки переживают каждый раз, как ты уезжаешь.

Тимоша услышал ее слова и обнял меня за ногу.

– Мама, возьми меня с собой.

Опустившись на колени, я обняла его.

– Малыш, я съезжу на разведку, посмотрю, все ли там тихо. Привезу много вкусного. Хочешь, привезу тебе большую машину?

– Нет! Я хочу с тобой!

У него задрожали губы. Я всегда чувствовала себя виноватой, когда оставляла его, ведь он очень сильно был привязан ко мне. Но не могла удержаться и сидеть на месте. Брать его с собой было опасно. Мы могли столкнуться с зараженными или бродячими собаками.

Я грустно вздохнула, пытаясь подобрать нужные слова.

– Мне надо убедиться, что там не опасно...

– Ты последний раз туда съездишь одна, а потом мы вместе поедем? – спросил Тимоша с надеждой в голосе.

Я обняла его еще крепче.

– Хорошо! В следующий раз мы поедем вместе!

– С ума сошла? – возмутилась мама. – Куда ты его возьмешь? Это опасно! Нельзя его брать.

– Мама, мы много месяцев никого не видели. Даже в Кирове не было ни души. Если в Юхнове тоже никого нет, то бояться нечего.

– Себя угробишь и ребенка тоже, – грубо ответила она и ушла в дом, забрав с собой Тимошу.

– А есть ты хочешь? – спросила я в пустоту. Но она меня уже не слышала.

Давя в себе чувство вины перед младшим сыном, я села в машину.

На этот раз мы выехали на трех машинах. Со мной в машине был муж. В дороге я рассказала, что дети переживают за нас. Спросила, как нам быть.

– Мы делаем это ради них, – коротко ответил Рома. – Ради всех. Они потом поймут.

Он был прав. Раньше, когда Рома уходил на работу, дети тоже просили его остаться, капризничали. Но ведь надо было зарабатывать деньги, чтобы их кормить. А в Москве опасности были везде. В современном мегаполисе каждый день существовала вероятность не вернуться домой. То метро взрывали, то аварии крупные на дорогах происходили. И ситуация сейчас была похожа на ту, когда в мире существовала система и по улицам не бродил страшный вирус. Снова кругом опасности, но все так же надо было кормить своих детей. А кто, если не родители, должен это делать?

А о том, чтобы взять Тимошу с собой в следующий раз, я Роме не сказала. Он не одобрит. Но вот выполню ли я свое обещание... Может, я поторопилась.

Юхнов встретил нас тишиной. Здесь не было ни здоровых, ни больных. Даже собак мы не видели. С газом нам повезло. Рядом с заправкой мы нашли большую клетку, заполненную газовыми баллонами. Раньше здесь их заправляли газом и продавали либо обменивали на пустой с доплатой за газ. Двенадцать баллонов были полными.

– Нам этого на несколько месяцев хватит, – обрадовался дядя Серёжа. – Может, даже на год. Мужики! Грузите мне их в узик.

Все баллоны в узик не поместились, и часть пришлось уложить во вторую машину.

– Если мы еще и бензина сейчас возьмем, то места в машинах не останется, – сказала я.

– Отвезем все и вернемся снова, – ответил дядя Серёжа.

На этой заправке бензина осталось много. Мы заполнили в три раза больше бутылок, чем в прошлый раз. И отправились домой.

Через час вернулись снова, чтобы собрать продукты из магазинов. Скажу честно, мне очень нравилось этим заниматься. И не мне одной. Местные мужики, обычно скованные в средствах, постоянно кланчили копеечку у соседей на бутылку водки, клятвенно обещая скоро все вернуть. Но частенько забывали о своих обещаниях. Многие соседские тетки ругали их, но жалели. Подкидывали рублей пятьдесят, чтобы те отстали. Но выходило наоборот. Смекнув, где можно раздобыть денег, они все чаще и чаще захаживали к соседям, пока те откровенно не начинали их посылать. Так и жили. День веселый и хмельной, день грустный, так как сегодня никто их не пожалел. А сейчас можно было ни у кого не спрашивать. Деньги не нужны. Бери сколько влезет!

В магазинах сильно пахло гнилью. Мясо, овощи и фрукты, которые лежали замороженными всю зиму, с приходом весны растаяли и издавали ужасный запах. До многих пакетов с крупой добрались грызуны. Но, к нашему счастью, не до всех. На верхних полках упаковки лежали целыми.

Я, как опытная мать, пусть и никудышная в воспитании, знала, чем кормить детей. И у меня было много времени обдумать, что надо брать в первую очередь. Уцелевшие упаковки с крупами, консервы, ведь в них мясо и рыба не портились, молоко, срок годности которого подходил к концу, еще не прогоркло. Обязательно сахар и сладости. Много сладостей. В итоге я набрала половину багажника одних только конфет и вафель.

Подходил сезон огородов. Скоро у всех будет много овощей и фруктов. Несколько месяцев мы сможем наслаждаться натуральными витаминами, пока не придет очередная зима. О том, что может за это время в мире что-то измениться, мы уже даже не думали, тем более не верили. Теперь мы мечтали только о том, как бы успеть полакомиться теми продуктами, которые скоро станут негодными.

Мужики брали все подряд, не разбираясь, что надо в первую очередь, а что во вторую.

– Женя, зачем ты шесть упаковок пищевой соды взял? – засмеялась я.

Женя развел руками.

– Так ведь вы же ее в выпечку добавляете.

Мне стало еще смешнее.

– Этой соды лет на десять хватит. Возьми две упаковки, остальное оставь. Лучше соли побольше положи.

– А он будет содой кастрюли чистить, – засмеялся папа, загружая в свою машину несколько упаковок туалетной бумаги. – А потом жопу, когда бумага и мыло закончатся.

Мы прыснули от смеха.

Я вспомнила про собак и насторожилась. Вдруг здесь их тоже много, бродят недалеко, слышат нас и прибегают целой стаей. Но вокруг было очень тихо.

– Может, нам оружие поискать в домах, – предложил дядя Серёжа, когда мы полностью загрузили продуктами и бытовой химией все машины. – На охоту будем ходить. В моем ружье мало патронов осталось. А так и зимой сможем на кабана ходить хоть каждый день. На лыжах. И мясо всегда будет.

Мужики одобрили эту идею, и дядя Серёжа с Женькой отправились по домам искать ружья и патроны. Остальные ждали их у машин.

– Аптека! – воскликнула я. – Пока их ждем, пойдем в аптеку. Нам ведь еще разные лекарства нужны. Особенно детские. Никогда не знаешь, когда они заболеют. Да и старушкам, скорее всего, они тоже нужны.

– А ты знаешь, какие лекарства брать старушкам? – спросил папа.

– Не совсем. Но сейчас мы можем взять обычные от простуды, от головной боли, от насморка. А потом у них спросим и в следующий раз поищем лекарства по их списку.

– А я тут посторожу, – сказал Рома. – Если что не так, буду сигналить.

Поиск оружия увенчался успехом. Нашли два ружья с патронами и один пистолет.

– У кого вы нашли пистолет? – спросил папа, рассматривая оружие. – Интересно, а разрешение на него там было?

– Да ну, какое разрешение? – ответил дядя Серёжа. – Тут половину оружия не регистрируют. И охотятся незаконно. Да кого это теперь волнует? – махнул он рукой.

Возвращаясь домой, я думала, что детей по магазинам вести все-таки опасно. В любой момент могли нагрянуть собаки или вернуться зараженные. Лучше всего возле дома построить детскую площадку. Детям станет намного веселее проводить время. Обговорив это позже с папой, мы решили из досок и бревен построить для них домики, повесить качели из старых шин и сделать разные лесенки. Покрасить разными цветами. Привезти побольше игрушек.

Несколько дней подряд мы ездили в Юхнов за продуктами, лекарствами, одеждой, обувью и игрушками. Бензином, свечами и батарейками. Каждый раз состав желающих обчистить безнаказанно магазины менялся. Даже мама один раз решилась, чтобы выбрать себе осеннее пальто и сапоги. И, конечно, она не удержалась набрать себе побольше сладостей, разных лекарств и всякой нужной мелочи вроде ниток, иголок, крема для рук.

Пришло время сажать огороды. Семян в подсобках магазинов лежало очень много. Мы с радостью их все забрали с расчетом на несколько лет. Сеяли различные овощи не только на своих огородах, но и на соседских, которые пустовали. Хотели сделать побольше заготовок на зиму, да и сейчас наесться на год вперед.

Жизнь в деревне стала более активной, чем зимой. Папа, взяв себе в помощники моего сына Ромика и мужа сестры Марины Диму, строил детскую площадку. Детям позволили ее раскрасить как хочется. И они постарались! Рисовали на досках солнышко и различные рожицы, либо смешивали краски и разбрызгивали их, не стараясь изобразить какой-то сюжет. В итоге получился яркий, разноцветный детский городок.

Вечерами мы часто собирались все вместе возле дома дяди Серёжи, слушали музыку на телефонах, курили и просто болтали обо всем на свете. Казалось, все забыли, что произошла всемирная катастрофа. Так было хорошо и спокойно, что даже никто не ругался и не спорил.

Однажды майским вечером я сидела на пороге и читала книгу. Уже собралась зайти в дом, потому что комары не давали сосредоточиться на сюжете, но вдруг услышала какую-то суету на улице. Женя прибежал к дяде Серёже, затем они и мои родители с обеспокоенными лицами побежали к дому Жени. Мне стало любопытно, и я пошла за ними. По дороге от шоссе в нашу сторону двигались двое мужчин лет сорока. Один из них нес на руках ребенка. Девочку, на вид лет шести. Она крепко обнимала мужчину за шею, а голову положила ему на плечо. Второй шел, поднимая руки.

– Стойте! – крикнул Женя, направляя на них ружье.

– Мы пришли с миром, – ответил тот, что с поднятыми руками. – Нам нужна помощь.

– Идите отсюда! – крикнул Женя.

– Да хватит тебе, – сказала я. – Опустит ружье. У них ведь ребенок. Фильмов, что ли, посмотрелся?

– Ага, а вдруг они ограбить нас пришли, – недовольно фыркнул Женя.

– Дурак, что ли? – ухмыльнулся папа. – Вокруг полно еды. Зачем им наша?

– У меня дочь заболела, – опять начал разговор мужчина, который держал девочку на руках. – Я не знаю, чем ее лечить. Ничего не помогает. Ей хуже с каждым днем.

Как бы в подтверждение его слов девочка в этот момент сильно закашлялась. Страшно так, с ужасными хрипами.

– Глаза у нее не красные. Просто высокая температура и сильный кашель, – продолжил мужчина. – Среди вас есть врач?

Его голос задрожал.

Я не выдержала и отправилась в их сторону. Все-таки я не могла стоять и выяснять, кто они и откуда, когда ребенку нужна помощь. Все признаки бронхита или воспаления легких. Я же мать троих детей. Много видела детских болячек и умею различать, когда кашель не страшный и быстро пройдет, стоит дать ребенку лекарство, а когда болезнь вырастает во что-то серьезное.

Когда я подошла к девочке, она приоткрыла глаза, полные слез и страданий. Да, они не были красными, но они были уставшими, с первыми признаками загноения. Потрогав ее горячий лоб, я сказала:

– Неси ее ко мне домой.

– Тань, может, лучше в дом Вавила? – осторожно сказала мама. – У тебя самой дети.

Дом Александра Вавилова стоял следующим за домом дяди Саши, в котором жили бабка Тоня и Елена, и вторым после моего. А точнее, тети Иры, в котором сейчас жили мы. Вавил на момент эвакуации был в Людкове и сейчас, скорее всего, где-то на Севере.

– Он же сырой. Мы его не отапливали.

– Значит, сейчас отопим, – сказал папа, махнув рукой и приглашая всех идти за ним.

В этом доме и правда было холодно и сыро. За всю зиму мы ни разу сюда не заходили. Не было надобности.

– Вы хотите, чтобы девочка на мокрую кровать легла? – возмутилась я.

– Вы можете просто дать какое-нибудь лекарство нам, и мы уйдем, – вмешался в наш спор мужчина, держащий девочку.

– Успокойся, – ободряюще улыбнулась я. – Вам придется здесь задержаться. Пока она не поправится. А пока дом будет просыхать, пойдем ко мне. На одну ночь.

Я расположила их на первом этаже, а Ромик с Никой поднялись на второй к Лёше и Тимоше. Когда у моих детей был бронхит, нам врач назначала антибиотики. Они и сейчас у меня были. Я не разбираюсь в лекарствах, но знаю, что эти антибиотики не надо хранить в холодильнике, и его отсутствие не пугало в этом случае. Бесполезно было измерять температуру или пытаться услышать, какого характера хрипы были у девочки. Среди нас не было врачей или медсестер. Девочка горела, и ее бил сильный кашель.

Я раздробила ей таблетку, развела водой. Она послушно выпила, сморщилась от горького вкуса и закрыла глаза.

– Теперь все будет хорошо, – ободряюще сказала я мужчинам. Я не знала, насколько серьезно была больна девочка, но надеялась, что лекарство ей поможет. И глядя в испуганные глаза мужчин, просто хотелось их приободрить. – Хотите есть? Заодно расскажете о себе.

Мужчины переглянулись и молча кивнули.

Еще совсем недавно, до начала событий, они были обыкновенными соседями и друзьями. Жили в городе Рославле. Это небольшой город, и эпидемия туда дошла не сразу. Мужчину с девочкой звали Олегом, а его дочь Алёной. Воспитывал он ее один, так как жена умерла за год до того от страшной болезни. Было непросто. Надо было совмещать работу в мебельном магазине и воспитание дочери. Ее расписание в школе не совпадало с его рабочим графиком. Часто приходилось работать до позднего вечера. И на помощь ему пришел сосед Игорь.

Игорь в школе преподавал русский язык и литературу. Вторым мужчиной в коллективе был после физрука. Когда у девочки заканчивались уроки, он приводил ее в свой класс, давал ей раскраски с карандашами и сажал за последнюю парту. Девочка там проводила еще два-три урока, пока у старших классов не закончатся занятия. А потом они вместе шли домой. Так за год без мамы у Алёны появилось два папы.

Игорь разведен. В браке с женой прожил четыре года. Она мечтала о детях, а он не мог их иметь. Такой вердикт ему вынес врач в больнице. И поэтому она ушла. Об этом эпизоде жизни Игорь подробно рассказывать не стал.

Военные пришли в Рославль, когда Олег с Алёной и Игорь уехали в небольшую деревню недалеко от города. У Олега от родителей остался небольшой домик, и они часто приезжали туда на выходные как на дачу. Эвакуацию пропустили и вообще не догадывались о ней. А когда вернулись домой, поняли, что не смогут там пережить зиму. Отопления не было, воду и свет отключили. Печи в городской квартире тоже не было. Растерянные, не зная, что делать дальше и куда идти, не понимая, куда увезли всех людей, они приняли решение вернуться в деревню, чтобы там у теплой печки перезимовать.

В соседних домах оставались три старушки и один старик. Больше никого не было. Эту деревню тоже пропустили, когда эвакуировали всех.

Игорь и Олег принесли запас продуктов для себя и для стариков. И приготовились просто ждать, что будет дальше. Они ни минуты не сомневались, можно ли брать продукты в магазинах. За несколько дней до поездки они слышали в новостях, что происходит в крупных городах и, увидев пустой Рославль, поняли, что и до них дошла беда.

Однажды ночью они проснулись от шума на улице.

– Я выглянул в окно, – сказал Игорь, – и увидел, как старики выбежали на улицу. Они кричали «здравствуйте». Радовались, что за ними пришли. Но меня что-то насторожило. Я думал, зачем так много людей к нам отправили? И почему среди них есть дети? В темноте я не сразу рассмотрел, что у них красные глаза... В итоге старики присоединились к ним. А мы

залезли в подвал и просидели там две ночи, пока зараженные не ушли. Хорошо, что мы успели спустить ведро воды и немного еды прежде, чем те приблизились к нашему дому. И еще нас спасло то, что Олег на ночь закрыл дверь на замок. Зараженные не смогли войти в дом.

– А как вы здесь оказались? – спросила я. – Ведь ваш город далеко отсюда. Зачем вы оттуда ушли?

– Да достало быть одним! – махнул рукой Олег. – День и ночь одно и то же. Алёнка все время просилась домой к своим игрушкам, в школу к своим друзьям. Вот мы и решили устроить ей приключение. Заодно хотели посмотреть, что в мире творится. Найти других людей. Машины у нас не было, а вскрывать и заводить чужие мы не умеем. Ехали на велосипедах. Ночевали в разных домах. А когда дорогу завалило снегом, остались в одной деревне до весны. Недалеко отсюда. Там, где заправка.

– На Зайцевой горе, – кивнула я.

Заправка в той стороне была только на Зайцевой горе и далеко отсюда в Кузьминичах. Кузьминичи они успели проехать до снегопадов.

– Мы видели вас! – сказал Игорь.

– А почему не вышли? Испугались? – спросила я.

– Не успели, – вздохнул Игорь.

– Он мчался за вами на велосипеде, – засмеялся Олег. – Когда услышали машину, побежали к заправке. Но вы уже уезжали. Игорь рванул за велосипедом, ехал за вами километра три, но вы не остановились...

– Я его не видела, – удивилась я. – Я была за рулем. Но мы так увлеченно болтали, что в зеркало я не смотрела.

– И мы решили идти дальше, искать вас или других.

Игорь поправил одеяло у Алёны. Это было так мило. Двое взрослых с маленьким ребенком. Заботятся о ней. Переживают.

На печи согрелся борщ. Мужчины сели за стол и жадно набросились на еду.

– Извините, – развела я руками, – но хлеба у нас нет. Мы не научились его печь.

Но они даже не услышали меня.

– О, как же вкусно! – облизнулся Олег. – Давно я не ел борщ. Мы ведь кулинары так себе. Макароны да картошка с тушенкой.

– У меня еще блины есть. Будете? Сметаны нет, зато есть сгущенка и варенье.

Олег обрадовался еще больше, в предвкушении потирая руки.

Я чувствовала, что они хорошие люди. Вреда никому не причинят. Да они и сами нас опасались, ведь с момента, как мы проезжали заправку, прошел уже месяц. Где они были столько времени?

Игорь и Олег, закончив ужин, продолжили свой рассказ.

– Когда мы пришли в Людково, то сразу поняли, что вы где-то рядом, – сказал Олег. – Все магазины пусты. Да что там магазины! Даже дома.

Он усмехнулся.

– А еще ваши записки: *«Мы в Алферьеве... у Ползикова Сергея... Как вернетесь, за все заплатим»*.

Точно, подумала я, ведь там везде наши записки. Надо бы их убрать.

Игорь словно прочитал мои мысли.

– Лучше уберите их. Вдруг кто-то нехороший их найдет. А хозяйева вряд ли скоро вернется. К тому же мы сразу заметили указатель на Алферьево и быстро вас нашли.

– Хорошо, – ответила я. – Скажите, а почему вы так долго к нам не приходили? Почти месяц прошел.

Алёна застонала во сне. Олег бросился к ней, потрогал ее лоб.

– Еще горячая... – тихо сказал он.

– Наберись терпения, – ответила я. – Скоро ей станет лучше.

Олег переживал. Остался сидеть рядом с дочкой.

– Мы наблюдали, – сказал Игорь. – Не знали, хорошо ли будет, если к вам вот так придем. У вас без нас своих забот хватает. Мы видели, как вы ездили туда-сюда. Поняли, что за продуктами. И пакеты из окон торчали. Мы долго думали, идти к вам или идти дальше? И уже решили идти дальше, но Алёнка заболела. Как лечить простуду, мы знаем. У нас есть лекарства. Но они не помогали...

– Я ходил сюда на разведку через лес. – Олег снова подошел к нам. – Увидел, что у вас много детей, детский городок красивый. И понял, что надо идти к вам. Алёнке было все хуже. И вот мы здесь.

Он развел руки, описывая круг.

После недолгого молчания я сказала:

– Оставайтесь. Завтра переберетесь в дом Вавила. Посадите огород, пока еще не поздно. Сами там приберетесь. А сейчас пойдете спать.

Некоторое время все жители деревни смотрели на мужчин с опаской, но вежливо с ними здоровались. Олег с Игорем были доброжелательными и тихими. Не пили, не шумели, обустроили себе дом. Просушили матрасы, вымыли окна, починили старую кровать для Алёнки. Папа отметил, что мужчины умеют работать руками и не боятся любой работы. Мама дала им семена и показала, как и где лучше устроить грядки.

Алёнка быстро пошла на поправку и через неделю уже смогла выйти к другим ребятишкам. Дети не взрослые. Они ее приняли как свою. Играли целыми днями на новой площадке.

Я стала за собой замечать, что все чаще наблюдаю за Игорем. Он красивый, как мне казалось. Смуглый, высокий, руки сильные. Что-то меня в нем притягивало. А когда я ловила его взгляд, мне становилось стыдно. Казалось, что он читает мои мысли.

С мужем никаких отношений у нас не было. Даже конец света нас не сблизил. Мы продолжали жить вместе, но как соседи. Нас обоих это устраивало. Понимали, что все чувства давно прошли и все отношения мы давно выяснили. Поэтому просто жили и заботились о детях.

Меня давно никто не привлекал. Практически во всех мужчинах я видела сплошные недостатки, но все равно верила, что живет где-то тот, к которому я не смогу остаться равнодушной. Кто бы мог подумать, что, чтобы его встретить, должен был произойти конец света! Я не люблю врать, в первую очередь себе, и сразу поняла, что Игорь мне нравится во всем.

В середине июня созрела клубника. И у меня появилась идея съездить в Людково, чтобы собрать ее и в чужих огородах. Она ведь многолетняя. Ее должно быть много там. Пусть она заросла травой, мы ее найдем. Я очень люблю клубнику, готова ее есть целыми днями, толченую с молоком и сахаром. А еще Тимоша будет ей очень рад. Я его всегда называла ягодный парень, потому что он ел абсолютно любые ягоды: клубнику, землянику, чернику, малину, смородину. Летом он мог питаться исключительно только ими.

Женщины меня поддержали. Многие засобирались с нами.

– Я с вами, – сказал Игорь, когда мы садились в машины. – Обожаю клубнику. И полезным хочется быть.

Я улыбнулась и вручила ему ведро.

Полдня мы ходили по огородам, набрали несколько ведер ягод. И так было хорошо! Не нужны были ни деньги, ни работа, ни битва за выживание. Всего было кругом много, в избытке. Я подставила лицо солнцу и расслабилась. Мировая катастрофа принесла мир душе и телу. Плохо, конечно, что миллионы людей бродят где-то. Возможно, многие погибли за зиму от холода. Но сейчас об этом думать не хотелось. Хотелось просто наслаждаться теплым днем и кушать сладкие ягоды.

Игорь собирал клубнику на соседнем участке. Украдкой я наблюдала за ним, стараясь, чтобы он этого не заметил. Вдруг он снял футболку, и я обомлела. Тело у него было красивое. Больше нечего сказать. Я не могла оторвать взгляд.

Он посмотрел на меня и улыбнулся, махнул рукой и показал полное ведро клубники. Я, смущаясь, кивнула в ответ и отвела взгляд. Мои щеки горели. В этот момент я чувствовала себя словно девочка-подросток.

На следующий день папа предложил поехать в Мосальск. Еще один маленький городок в двадцати километрах от нас. Туда с начала событий мы еще ни разу не ездили. Две заправки и множество магазинов должны были остаться нетронутыми. Мы хотели запастись продуктами и бензином сразу до следующего лета, чтобы не беспокоиться об этом больше. Кто знает, что нас ждет завтра или через месяц? Лучше быть готовыми ко всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.